

The background of the cover is a stylized illustration. It depicts a character with long blonde hair, seen from behind, wearing a dark, long-sleeved dress with a high collar and epaulettes. The character stands on a rocky, uneven ground. In the background, there are two distinct cityscapes. On the left, a city is bathed in a cool, cyan light, with tall, angular buildings reaching upwards. On the right, a city is engulfed in a warm, orange and red glow, suggesting fire or a volcanic eruption, with smoke rising from the buildings. The sky is dark and filled with stars and nebulae. A vertical beam of cyan light separates the two cityscapes.

ЦВЕТ ИНЫХ МИРОВ

Алина Смирнова

18+

Алина Смирнова

Цвет иных миров

«Автор»

2025

Смирнова А. М.

Цвет иных миров / А. М. Смирнова — «Автор», 2025

В этом сборнике собраны рассказы самых разных жанров — от фэнтези до фантастики. Читателя ждут новые миры, необычные герои и истории, где переплетаются магия и наука, мифы и будущее. Каждый рассказ открывает дверь в неизведанное и знакомит с существами, чья реальность отличается от нашей.

© Смирнова А. М., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Кецаль	5
Письмо в будущее	7
Последнее желание	9
Ловцы жемчуга	11
Сад Снов	13
Танец в темноте	15
Меч озёрной девы	17
Айрис	19
Помоги мне	21
Пора домой	23
Лучший друг	25
Яхтовые записки	27
Система	29
Глаза вечных снегов	31
Сказания о Юкари	34
Окружная дорога	37
Приключения Ирис	46
Одиссея	54
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Алина Смирнова

Цвет иных миров

Кецаль

С самого утра день у меня не задался! Соседский пёс разлаялся, когда я пролезала по заборам курятника, пытаюсь сбежать от домашних обязанностей. Дальше было хуже — свалилась с парапета в стог сена!

— Акробатические способности... Охотницей ещё называюсь! Мелкая и неопытная!

Пнув палку под ногами, я продолжила неспешное движение по тропинке, идущей сквозь чащу. Нужно было добраться до реки и набрать немного воды. Эльфийское зрение позволяло подмечать детали: вот от соседнего дерева взлетел дрозд, вот в траве медленно ползёт шелкопряд, цветки акций колышутся на ветру.

— Мне не хватает терпения! И выдержки, и концентрации! И навыков распознавания цели, конечно!

Если я не начну всерьёз заниматься охотой, отец подумает, что я так же бесполезна, как и остальные наши принцессы. А ещё выдаст меня замуж — и придётся уехать из родного леса далеко. Не хочу стать игрушкой в руках вельмож! Хочу охотиться, защищать наш лес и исследовать потаённые уголки руин. Вот, например, об источнике «Синей Воды» кто-нибудь из наших охотников слышал? Хоть раз? А о долине с зеркальными деревьями, в которых будто бы шепчутся призраки? Лес скрывает столько тайн, а я буду сидеть в каком-нибудь дворце и веселить заморского принца?!

Перепрыгивая массивные корни деревьев, я внезапно теряю равновесие. Высокие стволы, трава, облака начинают с бешеной скоростью вращаться вокруг меня. Я падаю кубарем вниз.

— Пью! Пью! Пью... — открываю глаза от протяжного шума в ушах. Сначала два резких возгласа, а следом спокойный и даже слегка грустный.

Голова болит. Видимо, я споткнулась и скатилась с обрыва по траве.

— Пью! — снова раздался странный крик. Я попыталась поднять голову и вдруг почувствовала что-то тёплое и мокрое у себя на пальцах.

Титаническим усилием приподнялась на локтях.

— А-а-а-а! — передо мной отпрянуло существо с синими перьями и гладкой тёмной чешуёй. Оно испугалось моего крика и, отпрыгнув в куст, прижало к земле огромные уши с кисточками. Я тоже отскочила в сторону, но быстро поняла — существо неопасно.

Тонкая переливающаяся чешуя покрывала его маленькое, но гибкое тело. Четыре лапы с чёрными когтями казались скорее декоративными: вряд ли малыш ими когда-то пользовался. Морда напоминала лисью, если бы не странные уши с кисточками и пушистая грива из синих перьев. Существо смотрело на меня с интересом, разглядывая одежду и снаряжение. Глаза — цвета фиолетовой черники, что растёт у нас дома на высоких холмах. Оно словно понимало, что я эльфийская охотница. Но я и понятия не имела, кто это такой, почему не напал, и зачем лизал мою ладонь, когда я лежала без движения.

— Пью-пью? — у него был мягкий голос.

Он издавал протяжные звуки, но не говорил. Аккуратно приюхиваясь, зверёк выбрался из-за куста, и я смогла разглядеть его полностью. У него был хвост — тонкий, длинный, с кисточкой из перьев на конце. И крылья! Маленькие, сложенные по бокам туловища, с кожаными перепонками. Они блестели, как и волшебная чешуя.

— Что ты за диковинное создание? — я протянула руку вперёд, понимая: зверёк не опасен. Скорее, он был удивлён встретить меня в лесу.

Зверёк осторожно сделал пару шагов, прижал уши и уткнулся носом мне в пальцы.

— Пью! — спокойно фыркнул мой новый лесной знакомый и снова лизнул мне ладонь, выражая доверие.

— Так ты пытался меня разбудить, да? — догадалась я. Зверёк учтиво кивнул и воскликнул: «Пью!»

Я рассмеялась. Он ластился ко мне, а через минуту запрыгнул на плечо, пытаясь поиграть.

— Пью! Пью! Пью!

Мы возились в траве: зверёк напряжённо пытался укусить меня за пальцы, потом устал и, свернувшись клубком на моей груди, довольно вилял кисточкой хвоста. Иногда он всё же выдавал тихое «Пью».

— Пора бы возвращаться в «Дворец Листолиста» и спросить Лориана: кто ты такой!

Эльфийские дворцы располагались высоко, почти под самыми кронами многовековых деревьев. Из соображений безопасности большинство эльфов никогда не спускались на землю: только охотники имели право ступать по лесным тропам. Я дёрнула тяжёлую дверь и вошла внутрь библиотеки, устроенной прямо в стволе огромного дерева.

Лориан — хранитель библиотеки вот уже пятьсот лет — высокий, статный эльф, заплетал свои длинные волосы в диковинные причёски. Отрываясь от тяжёлой книги, он окинул меня взглядом с ног до головы и остановился на «Пью», который сидел у меня на плече. Зверёк с интересом разглядывал книги, потом сорвался и взлетел на верхние стеллажи.

— Кэлена! Опять ты — прямо с охоты и в грязной одежде! В святая святых цитадели знаний! — воскликнул Лориан, поправляя, безупречно чистое платье.

— Прости, но дело важное! Ты видел? Зверёка, который сидел у меня на плече? Лор, я впервые вижу такое. Ты раньше встречал?

Библиотекарь устало выдохнул. Сквозь витражные стёкла, врезанные в ствол дерева, в библиотеку падал радужный свет.

— Кецалькоатль... — задумчиво произнёс он, пока «Пью» носился по стеллажам, пытаясь поймать радужные блики. — Древние, очень древние духи леса. Я ни разу не видел их живьём. Как ты умудрилась встретить одного?

Я удивлённо пожала плечами. Рассказывать, что свалилась с обрыва, было неловко — какой же я охотник, если спотыкаюсь о ветки?

— На границе тёмного и светлого леса. Я нашла его в траве. Ну... я упала с обрыва, а когда очнулась — он сидел рядом.

— Пью! — зверёк спикировал прямо ко мне на плечо, лизнул в ухо и снова взмыл вверх.

Лориан поправил костюм и вынул из ящика стола толстую книгу в алом переплёте. Развернув нужную страницу, он жестом указал мне читать. На пожелтевшей бумаге был рисунок — силуэт почти такого же существа, как «Пью», только куда больше.

— Кецаль выбирает себе хозяина одного на всю жизнь. Он обладает невероятным чутьём и магией, способен видеть и чувствовать чужое присутствие на многие километры вокруг. Легендарные духи леса, хранители тайн магии Стихий. Кецали живут в гармонии с природой и редко спускаются к живым. Но выбрав себе хозяина, остаются с ним на долгие годы. Наездники Кецалей странствуют по миру в поисках утраченных знаний и новых реликвий нашего народа.

Я аккуратно положила книгу на стол и, едва сдерживая радость, выбежала из библиотеки:

— Пью! Спускайся! Бежим! Пора отправляться в путь!

Письмо в будущее

Мы встречаем Кимуру-сан, сидящего на летней веранде маленького домика в деревне Каминава, что стояла особняком в уезде Кою на острове Кюсю. Широкие поля сахарного тростника окружали неприметную деревушку, словно забор, охраняющий её от внешних невзгод. Старичок сидит на веранде, свесив ноги в плотных гэта; на сторбленную спину наброшена тёплая хаори. Кимура-сан опирается на длинную трость и наблюдает за неспешным шелестом зелёной травы во дворе. Соседская кошка выпрыгнула из-под забора и стремглав пронеслась прочь. Старичок поднимает палец и словно журит негодницу.

Заручившись поддержкой одной из его близких родственниц, я аккуратно оставляю обувь в коридоре и прохожу сквозь проходную комнату прямо на веранду. Замираю в метре от него. Несмотря на почтенный возраст, я знал: слух у него великолепный. Зрение немного село, но слух — по-прежнему острый. Сердце бешено стучит; я чувствую волнение и трепет, которые сложно объяснить.

Маленький, худенький старичок представлял для меня средоточие уважения, безграничного опыта, живую энциклопедию жизни. Ух! Как много хотелось у него спросить... Но родственница заранее предупредила: здоровье Кимуры-сан уже не то, что в былые годы, и не стоит утомлять долгожителя долгими разговорами. Мне было достаточно задать пару вопросов — узнать, что интересного он видел за столь долгую жизнь. 114 лет — почтенный возраст. Что нужно делать, а чего избегать? Что для него прекрасно и важно? Каким человеком следует быть?

— Чего ты там стоишь позади? — голос Кимуры-сан, как и у многих его ровесников, звучал приглушённо, с лёгкой хрипотцой. Но говорил он чётко: не путал слов, разум оставался ясным, а мысли складывались в законченные предложения. — Старик уже не тот, чтобы быстро повернуться и разглядеть будущего собеседника. Иди скорее сюда, садись!

— Простите, Кимура-сан... не хотел вас напугать. Моё имя Нагато, я из местной газеты, — аккуратно снимая дорожную шляпу, я сделал ещё шаг, а затем сел рядом. Я вышел из оцепенения и тут же, поклонившись, шагнул вперёд.

— Да-да, Хоноко-сан утром говорила! Садись. Дай-ка посмотрю на молодёжь — нынче времена быстро меняются! — он улыбнулся, и его морщинистое лицо в тот миг выглядело светлым и добрым. Я взглянул ему в глаза. Глубокие морщины залегли под нижними веками, но васильковый цвет и яркий блеск не исчезли — они сияли сквозь линзы толстых очков. Будто на меня смотрел не старик, а такой же двадцатилетний парень, как и я сам. — Хочешь чаю? Или, может, немного сакэ с печёным тофу? Хоноко-сан приготовит.

Его речь была мягкой и приятной. Иногда он чуть повышал голос, чтобы подчеркнуть отдельные слова. Меня снова захлестнула волна трепета перед мудростью прожитых им лет.

Кимура Дзиэрамон-сан — старейший из ныне живущих людей на Земле. Он редко давал интервью, хотя титул его признали ещё три года назад. Около сорока лет он проработал простым почтальоном в центральной префектуре родного острова Кюсю. Каждый день развозил письма по окрестным деревням и посёлкам.

— Нет, спасибо, — ответил я. — Кимура-сан, я пишу небольшое эссе о вас. Можно я... спрошу, как вы прожили все эти годы? Что чувствуете сейчас, в свои 114 лет?

— Значит, ты Нагато-кун? — повторил он моё имя.

Под тёплой хаори я заметил красный вязаный свитер и выглаженную рубашку. Лицо его, несмотря на множество морщин, выглядело добрым и приветливым. А может, это впечатление создавалось из-за улыбки? Она выходила чуть неловкой, но честной и искренней. Возможно, так он и жил всю жизнь — просто улыбаясь трудностям и невзгодам.

— Да, простите, что спрашиваю так прямо, — сказал я. — Но мне очень хотелось с вами поговорить! Не каждый день выпадает такая возможность — встретиться со старейшим человеком на Земле.

— Конечно, понимаю. Старейший — вовсе не значит мудрейший, Нагато-кун. Как прожил жизнь? Да как обычный человек. Ходил на работу, развозил людям письма, никому не грубил, старался жить по совести. Любил одну женщину — Химико-сан, мою... великолепную, красивую, мудрую. Жаль только, что вот уже третью зиму её нет рядом, — глаза его вдруг потускнели. Он улыбнулся и отечески рассмеялся.

— Прошу прощения, Кимура-сан, — поспешил я. — Не хотел напоминать о грустном.

— Нет-нет, не вини себя. Люди смертны — жизнь есть жизнь, Нагато-кун. Мы не в силах изменить её течение. Нужно лишь постараться прожить правильную жизнь. Вот письма... они связывают людские сердца. Быть почтальоном — значит доставлять истории одних людей другим. Всегда хотел делать что-то полезное. Так вот и жил — доставлял послания. — Он замолчал, чтобы передохнуть.

— Кажется, вы сейчас очень счастливы, Кимура-сан. Не скучаете по работе?

— Ах, как же не скучать? Люди всегда скучают по разным вещам. Главное, чтобы «скучать» не превратилось в «сожалеть». Сожаления точат душу, Нагато-кун. Словно вода, день за днём стачивающая острые края камня. В сердце образуется пустота, а человек с пустотой в сердце не может быть счастлив.

Он снова улыбнулся и перевёл взгляд на кошку в саду. Та развалилась на солнышке и лениво перекатывалась со спины на живот.

— Значит, главное — жить по совести и выбирать работу по душе?

— Да-да. Кажется, это трудно, но на самом деле секрет счастья прост. Нужно любить саму жизнь — и она ответит взаимностью.

— Кимура-сан, а вы никогда не думали... написать послание детям, внукам, правнукам? У вас ведь большая семья. Оставьте им письмо — они откроют его через годы и прочтут.

Старичок нахмурился, свёл брови, обдумывая моё предложение. Сколько он всего знал и видел! И как просто научился быть счастливым — во все годы нелёгкого пути!

— «Письмо в будущее», значит? Хм... хорошая идея, да! Кимура-кун, есть у тебя бумага и ручка?

— Похоже, нет... Я пошарил в карманах пиджака и расстроенно сказал:

Он снова поднял на меня взгляд. Какими же выразительными были его глаза — василькового цвета, с глубиной, в которой будто плескалось море мудрости и теплоты.

— Слух и зрение у меня слабеют, но я буду жить каждый из тех дней, что мне ещё отпущены. Каждый момент важен. Каждое плохое слово или ложь, сказанная другому, стократ возвращаются. Жизнь — удивительная штука. Она связывает нити прошлого одних людей с полотном настоящего других, и вместе они ткут историю вечного будущего.

Последнее желание

Принцесса Со с силой толкнула тяжёлую дверь храмовой пагоды и вошла внутрь полутёмного пространства. На её лицо упал алый свет от ритуальных чаш, осветив белёсые шрамы и татуировки. В правой руке она сжимала копьё-нагинату. С огромного, ребристого лезвия медленно стекали капли крови.

Воительница тяжело вдохнула и выдохнула. В храме царила тишина, нарушаемая лишь колыханием пламени на ветру и протяжным, едва слышным звоном главного колокола. Его язычок раскачивался под порывами воздуха, касаясь граней.

На лице принцессы висела деревянная маска на тонкой ниточке. Её поверхность была расколота надвое, рога по краям обломаны. Последний удар пришёлся слишком сильно. В свете огня было видно, как за ухом девушки из раны на лбу струилась кровь.

Из-за колонны вышел младший послушник, облачённый в тёмную рясу с длинным алым хаори поверх. Его лицо скрывал капюшон, а руки были испещрены заклинаниями. Как и большинство монахов Ордена, он не любил показывать лицо без нужды. Тем более перед генералом Ингун — предводителем армии Императора.

Принцесса Со расправила асимметричное боевое платье с плотным корсетом. Лёгкие кожаные доспехи позволяли ей двигаться быстрее ветра и убивать врагов из тени. Она достала из складок платья золотую цепочку с амулетом в форме дракона и протянула её послушнику.

— Пропусти меня, жрец! — её голос эхом разнёсся под сводами. — Я принцесса Ван Со Лин-Гун, «Красный Дракон», дочь Императора Гунхадзи и генерал армии красных копейщиков Ингун. Немедленно пропусти меня к Оракулу!

У неё не было времени на пустые разговоры — и не осталось сил их вести.

— Оракул не принимает гостей без назначенного времени. Вы нарушаете покой Богов, — сухо ответил послушник.

Секта «Тримерина» и её Оракул не подчинялись напрямую Императору. Точнее, могли позволить себе не подчиняться. Император возвёл их в ранг государственной религии лишь потому, что верил в божественное провидение. Но Принцесса Со не собиралась играть в дворцовые игры жрецов и советников. Она была генералом. Сражения и защита Императора — вот что наполняло её жизнь.

Прядь волос, запёкшаяся от крови, упала ей на лоб. Длинные чёрные волосы и гордая осанка вместе с боевым копьём с красным древком украшали девушку лучше всяких шелков.

— Законы запрещают посещение Оракула без её воли, — добавил служитель.

Кукольное лицо принцессы исказила гримаса ненависти.

— И как же заслужить её священное желание? — язвительно бросила она. — Может, мне получить ещё пару смертельных ран? Убить больше вражеских генералов? Или, быть может, захватить ещё несколько территорий?

Она резко ударила копьём в каменный пол. Раздался глухой звук, и вокруг принцессы поднялся вихрь воздуха и пыли. Послушника обдало волной, но он устоял.

Своды пагоды упирались в огромную статую из белого мрамора — Бога Кимикина, великого покровителя Оракула. За его спиной, в нише на ритуальном ковре, сидела девушка-Оракул. На ней было тёмно-красное платье со шлейфом, тело её украшали золотые браслеты и узоры древних письмен. Лицо закрывала деревянная маска, расписанная алыми красками.

— Принцесса Со, вы можете войти, — прозвучал тихий голос, словно из иного мира.

Послушник отступил в тень. Генерал сделала неуверенный шаг вперёд. Ей никогда прежде не позволяли говорить с Оракулом лично. Сколько бы она ни просила отца, ответ всегда был один — «нет».

— Ты так стремилась попасть сюда, принцесса Со, «Алый Дракон» Империи, — прозвучало из-под маски.

Принцесса обошла статую и села на колени. Перед Оракулом лежала карта Империи, рядом — чашка с игральными костями. Со положила копье рядом и сложила руки в почтении.

— Мне нужно, чтобы ты исполнила моё желание. Последнее, прежде чем я отправлюсь в поход к границам Империи Кёсун.

— Я лишь Оракул, — мягко ответила девушка. — Всё в мире происходит по воле Богов. Я только их слух и голос.

Принцесса раздражённо разжала ладони и ударила тыльной стороной по каменному полу. Кожа мгновенно покраснела, но боли она не показала.

— Я никогда не просила помощи у Богов! Когда мои воины сотнями умирали за Императора, когда я сражалась, истекая кровью, и вела армии в самые тяжёлые походы — я не зывала к ним! Но сейчас... мой последний поход, и моё последнее желание, — в её голосе звучало усталое смирение.

Оракул поднялась и плавными шагами подошла ближе. Воздух наполнился ароматом ладана и пряных трав. Она сняла капюшон.

Принцесса увидела юное лицо, повязку из лёгкого шёлка, закрывающую глаза. Но за тканью проступали выжженные глазницы и шрамы. У Оракула не было глаз. Их выжгли жрецы? Или сами Боги?

— Принцесса Со, вторая дочь Императора великой Страны Тысячи Рассветов. Маленькая девочка, что так и не заслужила его любви, пройдя через сотни сражений. Первое желание я исполнила — ты встретишься со мной. Второе — показала моё лицо. Осталось последнее.

Оракул источала не силу воина, а нечто иное. Будто электричество разряжало воздух и наполняло пустотой.

— Я хочу знать, чем закончится мой поход в Империю Кёсун, — твёрдо произнесла воительница.

Оракул отвернулась, протянула руку и сжала в ней родовой амулет принцессы.

— Ты дойдёшь до дальних рубежей Кёсун, выдержишь два кровавых сражения за дворец Аморин. Потом отправишься в тёмные горы Нииджин искать правителя Кёсун. И там, у последних рубежей отчаяния, в самом сердце тьмы, ты найдёшь свою судьбу. Но никогда больше не вернёшься в Страну Рассветов.

Ловцы жемчуга

Мне хотелось поведать вам историю, произошедшую давным-давно, во время моего путешествия к райским островам Индонезии. Непонятно как, но внезапно моя карьера в научно-исследовательском журнале пошла в гору, и меня отправили в длительную экспедицию по островам, берега которых омывал Индийский океан. Поистине, это великолепные и живописные уголки нашей планеты.

Я писал статью о необычном племени местных жителей, жившем на острове Сумбра. Исторически отсюда экспортировали сандаловое дерево, и остров был известен как «Сандаловый». Белоснежные пляжи, пышная зелень и богатые природные массивы создавали неповторимую природную атмосферу.

Большая часть жителей острова — потомки колонистов из Ост-Индийских колоний. Однако на противоположной стороне от порта жило небольшое племя аборигенов Амари, почти не общавшихся с внешним миром. Я писал для журнала разворот на несколько страниц о жизни этого племени, их традициях и особенностях. Общая численность Амари составляла всего 43 человека, мужчин и женщин было примерно поровну. Я заметил среди них около пяти старейшин, но мне не разрешалось с ними разговаривать.

Я поселился в доме одного из поселенцев и передавал свои просьбы через Оана — рыбака с милой женой и двумя детьми. Без особой нужды местные жители не ходили к аборигенам и не общались с ними. Однако иногда племя торговало с поселенцами, обменивая добытый жемчуг на травы, специи, ткани и лекарства. Даже язык Амари сильно отличался — только торговцы знали их наречие.

Я постепенно освоил их речь, и к моменту этой истории уже почти свободно говорил на амарийском.

День был жаркий, душный. В воздухе стоял запах дождя, но его не было на острове уже несколько месяцев.

— Киана! Киана! — донёсся до меня детский голос из джунглей.

Я сидел на песке, обложившись подушками и расстелив самотканые простыни, читая книги. Часто я приходил сюда поработать, когда суэта деревни становилась слишком утомительной.

Вдруг мимо меня стремительно пробежала девочка лет семи, в белой накидке через плечо и набедренной повязке.

— Не дочь ли это Оана? — подумал я.

Да, кажется, она. Девочку звали Киана. Она не умела разговаривать, вероятно, из-за врождённого дефекта голосовых связок. Я видел её всего пару раз. Киана была замкнутой, не общалась с другими детьми и часто пропадала за пределами деревни вместе с младшим братом, которого звали Зебруй.

Солнце продолжало палить мне в спину, и я уже собирался возвращаться в деревню, когда вдруг дорогу мне преградила та самая Киана. Она выглядела испуганной и отчаянно показывала в сторону джунглей.

— Хочешь, чтобы я пошёл с тобой? — спросил я, указывая на себя, а затем на чащу.

Она кивнула и схватила меня за руку. Пришлось идти за ней.

В джунглях было ещё жарче, и уже через минуту моя рубашка промокла от пота. Наконец мы вышли к каменному уступу. За ним был обрыв с водопадом. Киана напряжённо показала на край.

Я подошёл ближе и увидел Зебруя. Он сидел на небольшом выступе ниже скалы и не мог выбраться.

— Как ты туда попал? — спросил я.

— Погнался за бабочками! Такими огромными! Амоцитарниками. Не удержался и упал. Киана меня нашла, — пролепетал мальчонка.

Я вздохнул: в одиночку он не выберется, а Киана не могла помочь. Ситуация становилась опасной.

Я объяснил девочке жестами, что нужен большой камень. Сам же снял футболку и попытался скрутить её в подобие верёвки. Киана скрылась в лесу и вскоре вернулась, притащив камень. По моей команде она сбросила его вниз, чтобы брат мог встать на него. Риск был велик — уступ мог обвалиться, — но ждать подмоги из деревни времени не было.

К счастью, всё закончилось благополучно. В тот день я вытащил Зебруя, и моя жизнь в деревне изменилась. Мне стали доверять даже старейшины, и вскоре они попросили написать несколько книг об их племени. Моя командировка на полгода превратилась в три года жизни с Амари. Это были лучшие годы моей жизни.

Но больше всего я запомнил Киану. На следующий день она пришла ко мне в деревню и неуверенно протянула руку. На мою ладонь упал небольшой перламутровый шарик, переливающийся на солнце.

Киана улыбалась и жестами пояснила:

— Спасибо, что спас брата. Родители бы нас наказали. Это жемчуг — знак почтения и благодарности. Я нырнула в пещеры лагуны и нашла для тебя лучший — розовый.

Я с удивлением посмотрел на подарок.

— Это моя награда?

Она покачала головой и добавила жестами:

— Когда я вырасту, стану ныряльщицей Аме и смогу нырять так глубоко, как захочу.

— Конечно, — улыбнулся я. — Но пока... присматривай за братом.

Киана кивнула. Для племени жемчуг был символом уважения и благодарности. Я понял, что этот подарок значил гораздо больше, чем могло показаться.

Так у меня появился друг — молчаливая, но невероятно самая смелая девочка из племени Амари.

Сад Снов

Миры Вселенной хранят вечные тайны прошлого и настоящего, сна и реальности. Нам предстоит услышать рассказ из «Сада Снов» — загадочного царства духов на границе мира аякаси. Здесь обитают призраки, что видят вечный сон о жизни, которую вели прежде. Их сон питает магию аякаси — древних духов, что спускались в мир людей, чтобы искать новые источники страха и кошмаров.

Сад по ту сторону реальности. Древние называли так место, где физический мир соприкасается с сознанием. Так и случилось, что Сад стал частью осязаемого мира, а его дальние границы простирались в мир живых. Даже сам великий Нуэ боялся ступить на дорогу, ведущую в царство вечного сна.

Вы увидите, каким был «Сад», лишь когда решитесь заснуть вечным сном и пройти через обиталище огромных Цутигумо. Перламутровая дымка перед глазами рассеется — и откроется видение, от которого кровь стынет в жилах. Жуткая картина... мира, застывшего во времени. Мира, уснувшего навеки и превратившегося лишь в призрачные тени.

Прозрачно-белые деревья, их кроны утопают в безжизненной листве. Тёплый ветер колышет бледную, словно призрачную, траву. Сквозь неё можно видеть стволы деревьев. Все краски исчезли. На ветках застыли хрустальные фигурки птиц и зверей. Повсюду в воздухе, словно живые, парят прозрачные аякаси, блестящие в свете алого солнца. Свет, просачиваясь сквозь перламутровый купол, рождает золотистое свечение. Они похожи на статуи изо льда — холодные, застывшие навеки. Это призраки, которым не суждено пробудиться. Здесь нет ничего живого, кроме снов.

Сколько историй заключено в этих стеклянных телах? Сколько судеб хранит «Сад Снов»? Древо питается снами призраков, что никогда не смогут ожить, и его сила наполняет магией целый мир. В каждой хрустальной фигурке маленького духа заключена сила сна. Словно нити, сны тянутся к ветвям, оплетающим призрачные берега, и протягиваются дальше — к Белому Древу вечных снов.

Среди множества хрустальных статуй выделяются две. Их облик напоминает человеческий, хоть и отдалённо.

— Акира! Просыпайся, старая развалина! — я слышу голос Кохару и открываю глаза в нашей спальне. Жена сидит за рабочим столом с книгой в руках, смеётся и кидает в меня подушку.

Как же она красива! Сколько лет прошло, а я всё так же восхищаюсь её умом и красотой. Она читает собрание сочинений Шекспира. Наш дом — настоящая библиотека, и я уже привык к тому, что Кохару и книги неразделимы. Она готовится к лекции в университете, а я, похоже, задремал. Длинные тёмные волосы спадают на открытую часть её спины. Я ощущаю непреодолимое желание дотронуться до её плеча. Кожа — нежная и чуть шершавая из-за крошечных белых волосков, словно ворсинок на коре древнего дерева. Странное сравнение, но оно приходит мне в голову.

— Ты выглядишь уставшим. Снилось что-то плохое? — её знакомый и любимый голос пробуждает во мне нежность, и я, поддавшись порыву, прикасаюсь к её губам. Она моргает от удивления и, как всегда, отвечает тихо и осторожно. Я разрываю поцелуй и ещё мгновение смотрю на её удивлённое лицо.

— Да... прости. Напугал, наверное. Просто приснился странный сон, — я не хочу её тревожить. — Акира?! Ты в порядке? Ты плачешь? Тебе приснился страшный сон? — я не понимаю её слов, пока изображение в глазах не начинает плыть. Касаясь лица, замечаю слёзы на пальцах.

— Расскажешь? — я качаю головой. Она понимает и не настаивает. Подходит и обнимает меня. Тепло её тела и медовый запах волос постепенно успокаивают. Я сам не понимаю, почему вдруг начал плакать.

Она отстраняется, улыбается, и я снова вижу ту самую улыбку, в которой отражается её любовь к книгам. Кохару всегда дарила мне истории, о которых я прежде не слышал. — Прости, правда... Не знаю, что со мной. Что ты читаешь, Кохару?

— Серьёзно? Ты сегодня странный. — Она берёт книгу в переплёте и переворачивает обложку. На ней изображено белое дерево с огромной кроной-куполом. Сквозь него тянутся ветви снов... — О духах. Кодама — духах великого дерева. Я читаю легенду о Сэйтиро Миноси. Он был самураем, погибшим так далеко от дома, что семья не смогла проводить его в последний путь. — Ммм... Наверное, и с женой проститься не успел? — я шучу, она поднимает брови и смеётся.

— Романтика! — смеётся она. Как же прекрасна её улыбка! Мне хочется, чтобы время застыло и я мог любоваться ею дольше. Хрустальные миры, сны, где время не движется... Почему мысли о древе из сна не выходят из головы? — Ученики Сэйтиро сожгли его тело, а прах закопали вместе с косточкой Белой Вишни. Так он стал деревом, а его разум и душа слились с Вечностью. Его семья приехала к этому дереву и смогла побыть с ним ещё немного. Ведь он стал Кодама — великим духом-древом, чьё сердце и душа обрели новый мир. Удивительно, правда? — Духом-деревом? Звучит интригующе... и страна снов? — я не отрываю взгляда от гравюры. Слишком уж она напоминает мне место из сна. То самое дерево, что оплетает мир духов, превращая несчастных в хрустальные статуи. — Акира, тебе ведь уже знакома эта история, да? — в её взгляде читаются сомнение и тревога. — Нет, всё хорошо. Просто красивая легенда. Самурай, который стал деревом, чтобы остаться со своей любимой.

— Акира, успокойся. Что такого страшного тебе приснилось? — в её голосе тревога. Может, такая же, как и у меня. Наверное, это действительно был лишь сон. Долгий и красивый сон о белом дереве с золотыми жилками и хрустальных статуях призраков, что навеки спят и видят жизнь, которую когда-то вели. Я вдыхаю аромат её волос, закрываю глаза, и время словно замирает. Я снова притягиваю Кохару к себе, до дрожи в теле прижимаю её хрупкую фигуру и пытаюсь убедиться, что она реальна. Что и мир вокруг реален.

Танец в темноте

Годами служительниц храма «Инари» готовили и обучали искусству Священного Танца. Раз в полгода жрецы проводили ритуал поклонения Богу Огня. Они ждали, что родится дитя, способное унаследовать силу самого Кагуцэти-но ками и стать надеждой для мира, принести в этот мир магию, которая помогла бы охотникам победить демонов.

Мико — девочка, которую отдавали в Храм Огня в возрасте пяти лет. Монахи воспитывали нас в строгости и благочестии, заставляя постигать древнее искусство танца во мраке и изучать магию огня, оставленную предками. Большинство из нас погибало, так и не дожив до финального обряда — от голода, изнурительных тренировок и самой магии, которую плохо понимали даже жрецы. Как только ты попадала в Храм, не имело значения, что привело тебя сюда — ты становилась частью обряда. До его завершения у тебя не оставалось ни имени, ни права на собственную жизнь, ни судьбы, которая была бы не связана с ритуалом и танцем во тьме.

Я не выбирала, становиться ли Мико. Мои родители погибли, как и все жители моей родной деревни. «Они» — кровожадные демоны, вышедшие из глубин тьмы, пожирали всё живое. Никто не спрашивал, какой жизни я хочу, о чём мечтаю, кого люблю. Я осталась единственной выжившей девочкой после нападения. Когда в Храме узнали мою историю, жрецы приказали охотникам доставить меня к ним.

С того момента, как избранная огнём девочка переступала порог Храма, её жизнь «до» переставала существовать. Нас заставляли забывать имена, отказываться от воспоминаний о родных и друзьях. Оставались лишь книги о магии Огня и сцена на ритуальной площади перед главной пагодой.

Только звуки барабанов и флейт, которые мы учились различать от начала и до конца танца, вели нас во тьме. Магия Огня была жестока и не терпела слабости. Те, кто не выдерживал, умирали — от болезней, голода или истощения.

Да, меня пугали рассказы об «Они», кровавых демонах, разорвавших целые деревни. Но рано или поздно каждая из нас понимала важность Храма и магии, которой мы учились ради борьбы с чудовищами. Однако, наблюдая, с какой беспощадностью жрецы диктовали волю Бога Огня маленьким девочкам, ломая их судьбы и превращая в посланниц смерти, я чувствовала только ненависть. Кто больше заслуживал погибнуть? «Они», истреблявшие города, или жрецы, коверкавшие души и жизни детей?

— Кейко. Моё имя — Кейко!

Каждую ночь, засыпая от усталости над книгами в библиотеке, я повторяла своё имя как мантру. Они не смогут стереть мою память и заставить забыть. У меня было имя. И ещё — волшебный осколок кварца, который я прятала от жрецов и других девочек. Его прозрачные грани, словно зеркало, отражали моё лицо. Я знала: я отличалась от других. Этот секрет никто не должен был узнать — до завершения обряда.

Меня разбудил скрежет. Передо мной стоял мужчина в белом кимоно с алым поясом. Его холодное лицо казалось лишённым эмоций, словно вместе с ними из него извлекли и душу. В руках он держал ритуальные веера.

— Просыпайся, Мико, — сурово сказал он. — Завтра для тебя и ещё четырёх Мико наступит обряд истины. Мы узнаем, отметил ли вас Бог Огня своей силой, и сумеете ли вы принести баланс в борьбу людей и монстров.

— Да, мастер Огня. Вы правы, — ответила я вместо того, чтобы дать волю рукам. Мне хотелось ударить его. Хоть раз. Хоть одного из них.

Я была готова. Всего лишь танец во тьме.

Жрица выходила на центральную площадь и начинала танцевать с веером, призывая Бога Огня. Жрецы гасили свет, и наступала крошечная тьма. Мико ориентировалась только на звуки барабанов и флейт. Этот танец наблюдали охотники со всей страны. Если Бог Огня отмечал Мико, она разжигала чашу на постаменте и отправлялась вместе с охотниками сражаться с демонами. Если же нет — жрецы тут же вырывали ей глаза, и жизнь заканчивалась в стенах Храма.

В ночь перед обрядом я надела белое кимоно. Тонкий пояс плотно облегал талию, в длинных волосах переливались красные ленты.

— Сколько здесь людей... — с восхищением и тревогой я смотрела с храмовой пристройки на множество охотников и паломников, прибывших на фестиваль. Уехать с ними было бы куда лучше, чем остаться в Храме и навеки стать узницей тьмы.

Но какой у меня был шанс? Чем я отличалась от других? Ни особой красотой, ни умом я не выделялась. Почему Бог Огня должен был выбрать именно меня?

Под звуки барабанов я поднялась на ритуальный постамент. Каждый удар отзывался в сердце, и я погружалась в ритм, который звучал во мне годами. В центре возвышалась чаша Огня: её зажигали в начале обряда, а затем тушили. Мико танцевала в крошечной тьме, ориентируясь только на музыку. В конце нужно было произнести заклинание. Если огонь загорался снова — тебя признавали. Если нет — жрецы лишали глаз.

Шёпот охотников и зрителей раздражал и злил. Внутри всё кипело от ненависти.

Мои движения были безупречны. Я тренировалась дольше других, оттачивая каждый шаг во тьме, чтобы танцевать, словно кошка в ночи. Я не стремилась выжить или покинуть Храм вместе с охотниками. Мною двигала ненависть — к демонам, убившим мою семью, к охотникам, допустившим это, и к жрецам, прикрывавшим жестокость добродетелью.

Темнота обволакивала, проникая в тело и пожирая изнутри. Страх накатывал: я могла больше никогда не увидеть даже своё отражение в кварце. Меня могли убить демоны. Я никогда не стану обычной. Никогда не встречу рассвет.

Барабаны звучали громче, кровь закипала, ненависть становилась жаром.

Боль переполнила сердце. Я закричала — и в ту же секунду чаша озарилась алым пламенем.

Меч озёрной девы

Аолан шёл вперёд в земли неприветливой Нимерии — проклятое королевство в самом сердце владений тёмных эльфов. Его спутница, высокая и красивая Королева древних эльфов Мираэль, двигалась рядом. Отряд её бойцов шагал позади — последние уцелевшие в этих чужих землях, далеко от дома. Загадочная Королева-маг, что говорила с мёртвыми богами, вела остатки свободных эльфов в земли вечной тьмы.

— Зачем мы здесь? — раз за разом спрашивал юный воитель у Королевы, но не получал ответа.

Сколько ещё должно погибнуть, чтобы боги остались довольны? Сколько ещё жизней нужно отдать, чтобы Королева исполнила своё предназначение?

Эльфийка была божественно прекрасна. Статная, с татуировками древних заклятий, покрывавшими её тело. Длинные уши украшали серебряные каффы с вплетёнными нитями и камешками яшмы. Лоб и щёки покрывали узоры, спускавшиеся к шее. Длинные белые ресницы придавали её взгляду особую выразительность. Туман волнами накатывал на бесплодные земли. Сквозь него пробиралась маленькая группа эльфов из Золотого Города.

Куда они шли? Ради чего должны были отдать свои жизни? Во имя предназначения, в которое так верила Королева? Во имя воли Богов, что предрекли победу над великой тьмой?

Вдруг Мираэль остановилась и подняла руку вверх — сигнал замереть. Аолан почти рефлекторно потянулся к колчану. Копейщики за его спиной остановились и выставили щиты, сомкнувшись полукругом.

Юноша осторожно, размеренным шагом приблизился к Королеве. Она стояла с закрытыми глазами, вдыхая ветер и словно прислушиваясь к воле Богов.

— Моя Королева?.. — спросил он.

В Золотом Городе Мираэль жила в Храме Пяти Причин и редко разговаривала с кем-либо, кроме магов Круга.

— Мы близки к концу нашего пути, — заговорила Королева загадочным, томным голосом.

Она никогда не упоминала ни о еде, ни о сне. Аолан всегда засыпал мгновенно, а её он ни разу не видел дремлющей. Иногда ему казалось, что она лишь призрак.

— Впереди? — уточнил он.

— Храм Великой Девы Озёр. Мы почти пришли. Она ждёт нас.

Мираэль кивнула. Аолан не понимал Королеву. Она никогда не объясняла своих действий: приказывала идти — и народ шёл. Они верили, что она посланница Богов и знает, что делает. Но юноша видел в этом иной смысл — и обман.

Подняв руку, эльфийка дала знак копейщикам оставаться на месте. Затем повернулась, и Аолан впервые за долгое время увидел её лицо так близко, да ещё и при свете дня. Мистически красивая эльфийка смотрела прямо в его душу.

— Идём, юный воитель.

Туман сгущался с каждым шагом. Почва под ногами становилась мягче, каменистая тропа сменилась редкими островками травы. Аолан не отходил от Королевы. Казалось, она не видит глазами — она ориентировалась по иным знакам судьбы.

Клубы тумана долго преследовали путников, пока вдруг не рассеялись. Перед ними открылась ровная, недвижимая гладь воды. Тёмная поверхность скрывала нечто под собой, а берега растворялись в белёсой дымке. Королева спокойно опустила руку в воду почти до запястья. Аолан, охваченный тревогой, ждал.

— Воитель, подойди ближе, — произнесла эльфийка.

— Да, моя Королева. Вы нашли то, что искали? Сможем ли мы вернуться домой? — его пробивал холод, голос дрожал. От её ответа зависела судьба всего народа.

— Ты знаешь легенду об Избранном, что спасёт Золотой Город и уничтожит сердце тёмных эльфов в землях Нимерии?

— Отец рассказывал мне мифы и легенды Эльфов Круга, в том числе и об Избранном. Боги предсказали, что вы спасёте наш мир и повели вас сюда. У меня нет причин сомневаться! — соврал Аолан, опустил глаза.

Она смотрела на него пристально — глаза пророка видели ложь.

Королева поднялась, выдернув руку из воды, и подошла ближе.

— Ты сын Гаронна, королевского говорящего с ветром.

Аолан испуганно кивнул. Мираэль коснулась его лба, и тут же юношу пронзила боль. На коже вспыхнула метка в форме змеи.

Он упал на колени. Королева вернулась к воде и снова опустила туда руку. Сквозь собственные крики Аолан слышал странный голос — словно песнь на забытом языке. Глаза Мираэль стали почти белыми.

— Прости, дитя. Эта метка нужна для твоей защиты, — сказала она.

На воде пошла рябь, боль отступила, и Аолан смог снова видеть. В глубине колыхалось белое сияние. Восторг и грусть захлестнули его.

— Моя Королева?.. — он осторожно коснулся метки, но боль исчезла.

— Озёрная Дева, навеки заточённая во тьме, — произнесла Мираэль. — Её свет питал Меч Избранного и вёл сквозь мёртвые земли.

Она медленно подняла руку. В её пальцах показалась рукоять с рунами. Через мгновение она полностью вытащила меч из воды. Ввысь взмыл яркий сине-голубой шар и так же внезапно исчез в тумане. Лезвие было столь изящным, что казалось — это сам луч света.

— Вы освободили её? — догадался Аолан, заметив серебристый след, оставшийся в воздухе.

Королева опустила голову и вонзила меч в землю между ними.

— Она исполнила долг перед Богами и теперь свободна. Меч у нас. Мы близки к исполнению воли небес! — эльфийка шагнула босыми ногами к кромке воды. — Мой дар тебе!

— Дар? — удивился Аолан.

— Меч Озёрной Девы. Оружие, способное победить Короля тёмных эльфов. Избранный из пророчества Богов — это ты, юный Аолан. Я дарую тебе благословение Королевы эльфов Золотого Города. И заклинаю отправиться дальше в Тёмные Земли, чтобы спасти наш народ.

Жрица вошла в воду обеими ногами. Аолан коснулся рукояти меча — и в тот же миг хрупкое тело Королевы озарилось светом и исчезло под толщей озера.

Айрис

Неоновые огни ночного города переливались в глазах Айрис. Ведьма сидела на крыше небоскрёба, свесив ноги с парапета, и молча наблюдала за улицами внизу. Время от времени юная волшебница поднимала руку и зажигала в ладони алый стусок ведьмовского огня. В длинной тёплой кофте и плотных брюках она походила скорее на старшеклассницу, чем на четырёхсотлетнюю ведьму из глубин Тёмного Измерения. Её глаза блестели в свете неона; она могла смотреть вниз часами. Смысл её прибытия в этот мир уже стирался из памяти, а цель, которая долгие годы подпитывала желание искать ответы, исчезала за границей подсознания.

— Айрис? — послышался шум крыльев. Ведьма лениво обернулась.

Рядом с ней, рассекая ночной воздух, опустился огромный трёхглазый ворон с чёрно-красными перьями — настоящий фамилляр, её связь с родным Ковеном.

— Что передаёт матушка, Горгона? — голос Айрис был чуть приглушён, но шум города добавлял ему особого шарма.

Матушка возглавляла Ковен уже тысячу лет, с того момента, как появилось Тёмное Измерение и его порталы — проходы между вселенными, созданные неизвестно кем и зачем. Айрис не любила правила, не любила Ковен, не любила матушку. Ведьмы не умеют любить: они предпочитают держаться небольшими группами ради выживания. Охотники не могли проходить сквозь порталы, но в каждом мире хватало желающих заработать на ведьминском сердце.

— Она хочет, чтобы ты вернулась, — ответил ворон. — Айрис, может быть, пора? Мы здесь почти столетие и ничего не нашли!

По его перьям пробежала алая дымка; он встрепнулся, пытаясь уловить взгляд хозяйки. Иногда ему казалось, что она вовсе не здесь, а где-то за пределами, в недрах Тёмного Измерения, ищет кого-то — душу, потерянную сотни лет назад. Или, может быть, просто повод продолжать жить.

— Айрис, твоё прошлое не вернуть, твой мир не вернуть... и твоя сестра мертва.

Ведьма резко повернулась, и рука с магическим огнём оказалась рядом с головой фамилляра. Зрачки Айрис потемнели, покрываясь чёрной плёнкой. На её вечно молодом лице проступили чёрные линии проклятия.

— А ты забыл, мой славный друг, из-за чего она умерла? За что Ковен приговорил её к сожжению? — голос стал холоднее. — Только потому, что её магия не поддавалась их контролю!

Короткая вспышка гнева сменилась усталым смирением. Айрис медленно сжала кулак — алый огонь погас.

— Ты знаешь правила, — продолжил ворон. — Ковену нужны твои силы. Они не умеют управлять магией Крови... а ты знаешь как. И твоя сестра знала.

Айрис понимала: лишняя суэта привлечёт нежелательное внимание, а она не собиралась пока покидать ни этот мир на краю Тёмного Измерения, ни его неоновые огни. Возможно, здесь она будет ближе к цели. Возможно, Ковен разозлится и пошлёт за ней убийц. И тот, и другой исход её устраивал.

Она устало подняла глаза. В отражениях города переплетались сотни заклинаний, человеческих судеб и душ; текло время мира; чувствовалась сила других магов. И — где-то там, едва уловимая, — её цель. Айрис не могла знать, существует ли она, но что-то в её душе взывало к пустоте. Возможно, там есть место, ради которого стоит продолжать жить. Место, где сестра жива, не сожжена Ковеном. Место, где Айрис смогла бы обрести покой. Место без сожалений и вечной борьбы.

— Лан, прости... — ведьма провела рукой по перьям ворона. — Знаю, ты не желаешь мне зла. Но в Ковен я не вернусь. Там нет для меня места. Матушка хочет моей силы, но она

знает: я не подчинюсь. Есть только два способа получить мою магию — заставить служить или сжечь меня заживо как сестру.

Ворон распушил перья и перебрался к ней на колени. Он один — Лан — видел её боль и отчаяние, долгие годы путешествовал рядом. У Айрис был только он, а у него — только она. Ведьма Крови, преступившая закон, сбежавшая из Ковена в поисках ответов и способа вернуть прошлое.

— Так много дней, так много ночей, — тихо сказала она. — Люди живут беззаботно, их боль со временем растворяется в повседневности. Но для вечных созданий — боль как клетка — навеки. Сожаления — вечный спутник тьмы. Куда бы я ни пошла, и что бы ни сделала, мысли не отпускают меня, Лан... — она опустила голову, закрыв глаза ладонями. — Могу ли я изменить прошлое? Не допустить того, что случилось с сестрой? Бесконечные поиски двери в иную реальность, где прошлое и будущее Лабиринта сливаются в точке конвергенции...

Ворон прижался к её лицу, три глаза смотрели прямо в душу хозяйки. Душа ведьмы сливается с сердцем, превращаясь в кристалл и защищая её от смерти. Убить ведьму можно только вырвав сердце или предав огню. Сердце Айрис было переполнено сожалением, болью и бесконечным стремлением найти ту самую «цель» в затерянных мирах Тёмного Измерения. Она искала ли способ воскресить сестру? Найти дорогу в прошлое? Сбежать из реальности раз и навсегда? Или, быть может, готовила величайшую месть Ковену?

— Айрис, если бы я мог разделить твою боль, — прошептал Лан.

— Мне бы хотелось, чтобы у меня не было сожалений. Не было желания умереть, Лан. Не было прошлого. Тьма зовёт меня в пределы пустоты — осколки истинной меня, — ответила ведьма.

— Вернёмся, да? — с надеждой спросил фамильяр.

— Нет. Я приняла решение и не изменю его, Лан. В Ковен я не вернусь, но и мстить не стану, если матушка Горгона оставит меня в покое. Пока мои глаза видят хотя бы тень знамения цели в глубине Тёмного Измерения, я буду искать путь, дорогу, возможность изменить судьбу.

Она поднялась, и ворон перелетел ей на плечо, расправив крылья.

— А боль и сожаления станут светом, — произнесла Айрис, — светом, который, сияя во тьме, укажет нам дорогу.

Помоги мне

— Я не могу тебе помочь! Ты знаешь сам, Нэт... — её голос снова и снова звучит в голове, отдаваясь эхом на задворках сознания. — Помоги мне, пожалуйста, я должен вспомнить... — фотография выпадает из рук, холодные пальцы с трудом удерживают почти невесомый предмет.

Я встаю со стула. Порыв ветра врывается в открытое окно, перелистывает стопку писем на столе и слегка задевает музыкальную шкатулку. Слышится лёгкий звенящий мотив. Я вдыхаю воздух и ощущаю аромат яблок и дождя. Скоро пойдёт дождь. Она любила его. Почему я помню такие детали, но не могу вспомнить даже её имени?

Нервно провожу рукой по затылку. Волосы отрастают, а стричь их не хочется. Да и выходить в душный, почти мёртвый город — тоже. Там её нет. Сколько бы я ни искал, сколько бы ни бродил по тёмным переулкам ночами, показывая прохожим фотографию, — никто её не помнит. Ни имени, ни самой её. Я обивал пороги душных канцелярий, писал письма инспектору Говарду в «Главное Управление». Но он лишь крутил пальцем у виска, считая меня безумцем. Возможно, он прав. Кому нужен детектив, сошедший с ума?

— Нэт, у островных жителей огромные серьги! Они носят двубортные костюмы и танцуют прямо у таверн! Тебе бы там понравилось. Нам обязательно нужно снова поехать на Север! — она гредила о путешествиях, потому что только там могла найти покой. Покой, которого здесь у неё не было. Поднимаю фото — и вдруг пронзает воспоминание. Её смех. Далёкий, словно из другого времени. Она улыбалась и рассказывала сказки о людях, которых повидала в странствиях на Севере.

Почему я не уехал с ней? Почему не бросил всё? Лишь сейчас понимаю — без неё моя «обычная» жизнь ничего не значила.

Я ставлю фотографию обратно на стол и аккуратно прислоняю к стопке книг. Её книг — единственное, что осталось после того, как она исчезла. Навсегда. Она знала, что не вернётся за ними.

— Ты не думал уехать отсюда? — тихо говорит Хоу. — Корабли ходят каждый месяц. Могу замолвить за тебя словечко капитану. Пойдёшь матросом — и платить не придётся. Ты ведь всегда хотел в море? Я подхожу к окну — и в этот момент звонит телефон. Протяжный, навязчивый звон. Хоукай? Опять что-то в таверне? С тяжёлым сердцем иду к аппарату на прикроватной полке. Сквозь шум прорывается его голос. Старый пройдоха снова не спит. — Нэт! — Привет, Хоу. Почему ты звонишь инспектору в два часа ночи? Или бар всё ещё открыт и ты хочешь, чтобы я разрулил твои мутные делишки? — в трубке раздаётся глухое кряхтение. Я вздыхаю. — Прости, Хоу. Мне опять не спится. — Всё в порядке, — прокашлявшись, добавляет он. — У меня есть бутылка отличного бурбона! Может, заглянешь в Бридж? — Не хочется сегодня запивать бессонницу. Всё труднее не думать о работе. Тысячи историй и судьбы, на которые влияли мои решения. Инспектор, наверное, прав: я схожу с ума.

— Хоу, я не могу уехать. Не сейчас, — отвечаю и снова смотрю на фотографию. На ней она улыбается. Забавно: снимок сделал сам Хоу. Старик притащил камеру и сфотографировал нас тайком. Потом всё же отдал ей фото. Она умела расположить к себе любого — даже такого ворчуна, как он. А теперь он сам её не помнит. Ни имени, ни лица. Я хочу хотя бы имя вернуть. Словно, произнеся его, я смогу вернуть её саму. Но меня держала мысль о ней. Я боялся забыть её окончательно. Боялся потерять запах, цвет волос, голос. Боялся, что она навсегда станет лишь призраком.

— Всё из-за той девчушки? С фото? — Хоу хрипло смеётся. — Ты уверен, что я делал этот снимок? Хоть убей — не помню! Наверное, был пьян.

— Да-да, такие странные. Жуткие, — его голос становится тише, почти испуганным. Я резко обрываю: — Хоу, зачем ты звонил? — А! Точно, — он будто вспоминает. — Нэт, я нашёл карты. Старые, с рисунками и подписями. Жутковатые... мертвецы, утопленники... Нашёл за барной стойкой. Представляешь? Ума не приложу, как они туда попали. — Карты? С рисунками?

Все боятся призраков. Все боятся смерти. Все боятся прошлого. От него не убежать. Оно — вечная тюрьма.

— Знаю... Но приехать всё равно не смогу. Пришлѐшь парнишку? — прошу я. — Карты Таро? У них жѐлтые рубашки? — Ага, они самые. Знаешь, чьи?

— Спасибо, Хоу. У Хоу помогал один бездомный мальчишка: за хлеб и воду он таскал бочки, разгружал ящики и бегал по поручениям. — Конечно, Нэт. Утром будут у тебя.

Я кладу трубку. Возвращаюсь к столу, закрываю глаза. Сажусь. Зачем я открываю её книги? Чего ищу? На пожелтевших страницах её рукой записаны цитаты. Слова обведены кружками, чтобы лучше запоминать. Я вспоминаю, как она любила читать у камина. Не различая, где сон, где явь, проваливаюсь в темноту.

Резкий стук будит меня. Ещѐ, ещѐ — и тишина. Потом — удаляющиеся шаги. Я открываю дверь и вижу свѐрток. Несу его к столу, разворачиваю. Золотые обложки карт. Её карты.

— Теперь ты вспомнишь... — слышу её голос внутри.

Пальцы дрожат. Я перебираю их снова и снова. Последняя карта — Жрица. Девушка в красно-чѐрном платье, с тѐмными волосами.

Я оборачиваюсь, и имя срывается с губ:

— Ванесса.

Пора домой

Поезд на перроне издаёт протяжный гудок, возвещая о том, что время отправления неизбежно настигло реальность. Я вижу лица пассажиров за окнами: служащие, врачи, учителя, туристы — те, кто приезжает сюда в начале сезона. Сколько лиц я вижу день за днём? Десятки? Сотни? Тысячи? Я уже перестала различать их черты — лица сливаются в бесформенную серую массу.

Я смотрю человеку в глаза только тогда, когда приходится заговорить. И уже давно я не говорю с людьми просто так — не по работе, не по необходимости. Ни о чём личном, ни о душе, ни о том, что меня волнует.

Ты никогда не станешь «своим» — как бы хорошо ни выучил язык, сколько бы ни сделал для местных, как бы глубоко ни знал их культуру. Здесь ты — никто. Иммигрант может служить обществу, но никогда не станет его частью. А ведь я так хотела... очень хотела жить здесь. За спиной — пять лет упорного труда: учила язык, пыталась найти нормальную работу, сохранить любимое хобби.

Ничего. Вот и весь ответ. Что у меня есть сейчас?

Дорога из ниоткуда в никуда. Пустой причал, к которому больше не вернётся разбитый корабль. Внутри меня — дыра, из которой сочится тьма и боль. Даже хозяин бара заметил, что я на грани срыва.

— Эй, девчонка! — сказал он в прошлую смену. — Ходишь с угрюмым видом и распушиваешь клиентов! Улыбнись хоть немного! И не приходи в бар с таким лицом, будто кого-то похоронила!

Спросят — и я отвечу. Чем стал опыт прошедших пяти лет?

Упорный труд? Я живу в маленьком бунгало на краю района, где по вечерам шатаются бедняки. Денег хватает только на еду, одежду и кое-какие принадлежности для черчения.

Нормальная работа? Я мечтала проектировать мосты, помогать развитию страны. А кто я теперь? Жалкая официантка в забегаловке.

Любимое хобби? Я мечтала каждый вечер приходиться к океану и кататься на доске. Теперь у меня нет денег даже на доску. В первый год я действительно приходила к морю — почти каждый день. А теперь... ненавижу море. Не могу на него смотреть: оно напоминает мне обо всём потерянном. Ненавижу этот город, бар, работу... Зачем я здесь?

Меня не отпускает мысль: не пора ли вернуться?

Друзья? Я пыталась завести знакомства, но здесь ты никому не нужен, если не богат и не можешь быть полезен. Приезжих в глубинке почти нет. Что у меня есть здесь, кроме боли и одиночества?

Семья? Любимый человек? Нет. Я бросила всё, чтобы уехать, надеясь найти себя. Но оставила нечто бесценное — там, на родине. В маленьком пригороде большого города, где всё было знакомо.

Иногда я закрываю глаза — и будто снова гуляю по улицам детства. Залезаю на крыши домов, где меня уже никогда не будет. Меня там больше нет. Остались только воспоминания о маленьком двухэтажном доме, где всегда горел свет. Где меня ждали.

Там у меня была семья. Пусть дом был тесным, пусть не хватало места — но я не была одна. Меня любили, и я любила. Обо мне заботились, и я заботилась.

Я отдала часть своей жизни, надеясь построить что-то новое. А получила — страх, фобии, бесконечные попытки найти путь там, где его, возможно, никогда и не было.

Любимый человек? Пожалуй, я уже забыла, как доверять. Как делить радость и боль. Как не бояться прикосновений. Здесь доверять нельзя — особенно мужчинам. Для них ты

лишь объект желания. Им неинтересно, как прошёл твой день, какую книгу ты читала, о чём мечтаешь. Хотя, если честно, и местным девушкам стоит быть не менее осторожными.

О, нравы! О, страна! Пейзажи — словно из снов, а общество будто лишено цивилизованности. Когда я уезжала, мне казалось, что это место — воплощение мечты. Мир, куда не докатилась антиутопия потребления. Прекрасный край на берегу Индийского океана, прогулки под звёздным небом, беззаботное будущее...

А теперь я хочу домой. Мысль, которая не оставляет ни на минуту. Но где он — мой дом? Куда я хочу вернуться? Какие глаза хочу увидеть, в каком месте проснуться завтра утром?

Берег, которого нет. Размытый горизонт. Из рук на песок падает книга. Я часто прихожу сюда, на отшиб, просто почитать в тишине. Отсюда не видно моря, но слышно. Шум волн успокаивает... и я плачу. Здесь никто не видит моих слёз. Никто не назовёт меня слабой. Никто не услышит мою боль. Никто не сможет причинить вред.

Мне некого обнять, не на чьём плече поплакать. Здесь у меня никого нет. А может, и там — уже тоже нет.

Иногда я вспоминаю их лица и улыбаюсь сквозь слёзы.

— Зачем ты плачешь, глупая? — спрашиваю себя. — Не ты ли собрала вещи пять лет назад и купила билет в один конец? Зачем жалеешь себя? — вопросов много, ответов нет. Я просто хочу домой.

«Вшух... вшух...» — прислушиваюсь к шуму волн. Становится чуть легче. С подветренной стороны виден город — огни чужого города, где живёт чужая любовь и чужой мир. Мир, в котором для меня нет места.

Сколько ещё времени уйдёт на отчаянные попытки вернуться? И что, если там меня уже не ждут?

Мысль не отпускает: пора домой. Расстояние не лечит. Никогда не лечило.

Я видела так много дорог. Здесь дороги соединяют деревни с пляжами, джунгли с жилыми кварталами, пристани с рынками. Сотни троп к храмам и плантациям — пыльных, разбитых, едва заметных. Но есть ли среди них дорога, которая приведёт меня домой?..

Лучший друг

— Марина! Марина! — голос пробивается сквозь полусон, и по ногам проходит дрожь. В кабинете холодно. Мысли постепенно возвращаются, и я начинаю понимать, где нахожусь. Третий сеанс. Кажется, стало легче.

Доктор встаёт со стула напротив, подходит к окну и распахивает шторы. С глухим звуком открывает створку — прохладный воздух помогает прийти в себя. Затем он подходит к столу, включает чайник и через несколько минут возвращается, протягивая мне кружку с тёплой водой.

— Свежий воздух и чай — чтобы вам стало легче. Думаю, на следующей неделе отменим таблетки. Пару сеансов — и, возможно, они уже не понадобятся.

— Да, мне и правда легче. Настроение скачет меньше, особенно после того, как мы разобрали первый «якорь».

— Их три, — спокойно отвечает он. — Вам нужно пройти через все. Пережить, осознать и научиться с ними жить.

Я поджимаю губы, пытаюсь убедить себя, что осталось совсем немного. Доктор хороший, и после первого сеанса гипноза действительно стало легче. Главное — пройти остальные и, наконец, справиться с паниками.

— Я не хотела вспоминать, если честно. Говорить об этом сложно, — говорю я, и он понимающе кивает.

— Постарайтесь рассказать главное.

— Почему вы называете самые тяжёлые воспоминания «якорями»?

Доктор наливает себе чай и, чуть улынувшись, отвечает:

— «Якорь» — это сильнейший отклик в сознании человека. Он вызывает реакции тела — страх, тревогу, радость. Ваши панические атаки связаны с тремя такими якорями. Но память, защищая вас, прячет боль. И когда в жизни случаются похожие ситуации, вы непроизвольно задействуете тот самый якорь — и он запускает панику. Если мы примем и осознаем эти воспоминания, — дело в шляпе.

— Хорошо, тогда я попробую рассказать...

Каждое лето мы с родителями ездили отдыхать на озеро. Вместе с нами всегда собирались их друзья — шумная, весёлая компания. Папа дружил с ними ещё со школы: дядя Глеб, дядя Вадим, дядя Павел и дядя Егор.

Особенно близок он был с дядей Егором — своим лучшим другом с детства. Они жили по соседству, потом вместе прошли войну. После Афгана не все смогли сохранить дружбу, между ними случались мелкие обиды, недопонимания. Но папа всегда пытался их помирить, и в том году ему это удалось. Мы решили поехать все вместе — целой компанией, на четырёх машинах, к Селигеру.

Папа был невероятно счастлив. Говорил, что давно не чувствовал себя так легко.

Мы приехали днём — усталые, но довольные. Взрослые занялись лагерем, костром, ужином. А мы, дети, носились по поляне, которая спускалась прямо к воде. Селигер — место удивительное: высокие сосны, синее небо, целые поля черники. Даже цаплю видели у берега.

Взрослые сидели у костра с гитарами, смеялись, вспоминали прошлое. Мама время от времени звала меня поесть, но мне хотелось только бегать и играть.

От лагеря до воды было метров десять, но спуск — крутой, и у самого низа — небольшой обрыв.

Я до сих пор помню тот момент. Мы играли с сыном дяди Егора — Кириллом. Он кинул мяч, а я побежала за ним, смеясь. Рядом бежала Лиза — старшая дочь дяди Вадима. Я добе-

жала первой, но ударила по мячу неудачно — он отлетел в сторону и, отскочив от дерева, полетел прямо в воду.

— Кирилл! Что теперь делать? Я не полезу туда! — возмутилась я.

Взрослые заметили, что мы стоим у обрыва. Папа, дядя Егор и родители Лизы подошли.

— Ну и как вы умудрились его туда закинуть? — усмехнулся папа.

— Ерунда! — отмахнулся дядя Егор. — Сейчас достану. Заодно искупаюсь!

— Афган прошёл — и тут справишься, да? — поддел его дядя Вадим.

— Плохая шутка, Вадим, — ответил Егор, но улыбнулся. — Всего-то пара метров!

Он снял футболку, ботинки, разбежался и прыгнул. Вода всплеснула, но почти сразу послышался глухой удар.

На секунду повисла тишина. Я подошла к краю — и увидела его спину, торчащую из воды. Голова не поднималась. Мне показалось, что он просто ныряет, но папа уже рванул вниз, скользя по склону, и бросился в воду.

А я стояла, не понимая до конца, что происходит. Только когда мама закричала, я сорвалась и зарыдала. Он перевернул друга, прижал к себе, потащил к берегу.

Прошло семнадцать лет.

А боль того дня всё ещё не отпускает.

Яхтовые записки

17 июня. Вторник. Прошли Рыбинское водохранилище под двигателем. Ветер — N3b. Вся команда благополучно проспала. В 10:00 были в Череповце. Команда разделилась — часть пошла по магазинам, часть — в музей. Долго и упорно добирались до музея Верещагина. Потом в Тузике (маленькой лодочке) переправились обратно на яхту. После обеда отправились вниз по реке Шексне до Шекснинского шлюза. На яхту напала банда маньяков! Вымогали у нас деньги, но денег им никто не дал — потому что у нас у самих их не было. Спас нас только шлюз. Ночью шли до Гориц, в 5:00 были уже там.

18 июня. Среда. Все, кроме капитана, отправились на экскурсию — на гору Муара, на которой некоторые из нас были в прошлом году. Потом бедных детей потащили в Горицкий монастырь, в котором, опять же, мы уже были в прошлом году. Чего туда вообще ходить? Дорога к монастырю была трудной — через ряды сувенирных лавок. Там были куплены носки. Зашли в магазин — кончилась водка. Вернулись на яхту. А потом была экскурсия на остров «Кладбище». Когда вышли из Тузика, первое, что увидели, — челюсть и кучу костей! Пошли за корягами, там же и купались. Вода была тёплая. Купались тётя Мила и тётя Света, а я только по лодыжки — но зато в купальнике! Остальные купались голышом — прямо перед туристическим лайнером. Из-за волн все в Тузике промокли по возвращении на яхту. В пять вечера вышли в Белое озеро — там были огромные волны, и мы плыли на одном боку, да ещё и подпрыгивая. Поначалу было всё нормально, но потом, когда я спустилась вниз с палубы, выпила таблетку и забралась в «гроб» (пространство под кормой), думала, что усну, но не уснула. Меня начало выворачивать наизнанку и рвать. Сначала я блеванула раз или два в свой пакет, потом мне принесли целое ведро — блюй, сколько хочешь! Через час стало плохо и Кате — её тоже рвало. Теперь у нас было одно ведро на двоих. Нам раздали леденцы — все съели. Вечером Кате снова было плохо, и только к утру она пришла в стабильное состояние.

19 июня. Четверг. Пошли к Вытегорским шлюзам. У первого шлюза пришвартовались рядом со старыми причалами, где жили чайки с птенцами. Капитан сказал: «Чайки — дуры! Берега им мало, и они гнёзда на шпалах делают». Потом обозвал чаек курицами. Потом капитан (Виктор Иванович) поплыл на шлюз — «давать взятку диспетчеру», чтобы нас пропустили. Ему там сказали ждать туристического лайнера, и мы просидели до вечера. Но неожиданно диспетчером оказалась Валюша — та самая, у которой капитан когда-то покупал молоко, а у её мужа — солярку. Она замолвила за нас словечко, и нас пустили шлюзоваться одних. К шлюзу №5 подошли уже поздно. Солярку покупали у мужика с зубами, как у Бабы-яги. Все легли спать.

20 июня. Пятница. Утром собрались завтракать, как вдруг та самая злая тётка-диспетчер (по словам капитана — «стерва»), что вчера не хотела нас пускать, связалась и сказала, что будем шлюзоваться с баржей. С этой баржей проплыли до самой Вытегры. Пришвартовались у старого корабля. Пошли на почту вчетвером, капитан сказал, что подойдёт позже. И зачем-то поплёрлись на другой конец города! Когда наконец добрались до почты, капитан уже стоял в телефонной будке и вызывал спецназ — на тот самый шлюз, где «маньяки-уголовники стадами ходят». Вернулись к яхте. Тётя Мила и тётя Света пошли в музей Кобыляева — конечно, не попали, зато сфотографировались у таблички, где он жил. По возвращении долго решали, куда плыть дальше — к Оленям или в Кижи. В итоге поплыли на Южный Олень. На Онеге было много лосося, но, как сказал капитан: «Они под камнями сидят, у моря погоды ждут». Чтобы нас с Катей снова не выворачивало, нам дали таблетки, и мы уснули.

21 июня. Суббота. В 7:00 утра были на Оленях. Оказалось, что этот остров — один большой камень. Почти у всех взрослых было похмелье, и почти все пошли спать. Нам с сестрой дали персональное задание — сварить кашу. После дегустации тётя Света сказала, что мы сва-

рили мало. Видимо, после дегустации её стало ещё меньше. Дядя Коля пошёл ловить рыбу. Поймал шесть штук, а ещё четыре ему подарил местный рыбак. Дядя Коля уверял, что поймал всех сам, но правда всплыла наружу! Потом пошли копать червей. Капитан сказал: «Их там видимо-невидимо!» Перекопали всю деревню — накопили десять червяков. По одному червяку в час! Но потом они все выползли гулять по палубе. Пошли гулять по берегу — в лес с клещами. Видели красивые камни, рельсы и старый пункт таможенного контроля. А ещё с утра потерялась тётя Мила — оказалось, она по берегам изучала какой-то помёт, а мы думали, что её медведь съел. В 7 утра нас разбудили какие-то «немцы». Собрали вещи и вышли в Кижы. Все говорили, что это змеиный остров — змеи там, как по паркету, ползают. Потом тётя Мила, тётя Света и Катя ушли купаться голышом — на другой конец света, прямо на глазах у местных коров. Я пошла на яхту, ноги были квадратными от долгой ходьбы. Взрослые снова ушли в запой, когда начался обед. Тётя Света утверждала, что не пьёт — «а то превращаюсь в голово-реза, который таскает сумки — любые, свои и чужие». Скоро мы уедем на «комете». Вот сейчас дядя Коля выпьет литра три-четыре пива, пройдет фейс-допинг-контроль — и поедем. На ракету все прошли фейс-допинг-контроль. Хотели проехать «зайцами», чтобы сэкономить, но не получилось. Все оказались не зайцами, а просто баранами. В Петрозаводске до автобусной остановки шли с сумками — как цыгане. А Катя опять загуляла — на этот раз с таксистом, который предлагал ей поехать с ним в сауну! Поймали другое такси — у бедного водителя чуть инфаркт не случился при виде всех этих сумок. На вокзале дядя Коля побежал «за одной бутылочкой пива», но на самом деле купил десять и никому не сказал. Хотел всё сам выпить, но я его сдала. В поезде дядя Коля смотрел косо на тётю Свету — как она у него пиво ворует. А ведь говорила, что не пьёт! На самом деле она самогон бутылками глушит. Но потом мы пили чай с тортиком — это был лёгкий полдник.

Система

Человеческая личность давно уже могла быть записана и перенесена на носитель — любая искра индивидуальности теперь считалась уязвимостью. Двое пришли из разных эпох, но их встреча казалась неизбежной: они не могли пройти мимо друг друга.

Неоновый свет рвал пространство между мирами, внизу ревел тёмный океан, волны били по платформе. Её залило белой пеной, с лестницы, ведущей к portalу, капали бирюзовые капли плазмы перехода. Темноту резали всполохи спасательных фонарей и одинокий прожектор под платформой. Рев океана заглушал сирену.

Последний Вестник сидел на краю, сжимая пистолет у него в руке. Плащ промок насквозь, он напряжённо всматривался в бездну портала. На нём была простая стёганая куртка объединения и удобные чёрные штаны; он в который раз достаёт зажигалку и бессмысленно пытается поджечь мокрую сигарету. Сколько бы тел он ни сменил — зависимость от никотина оставалась с ним.

Внезапно портал вспыхнул яркой вспышкой.

— Время перерождения мёртвых, да? — тихо бормочет Вестник. — Почему завод по восстановлению тел нельзя было устроить где-нибудь попроще? В кабаре, например. Или в баре.

Портал дрогнул и погас. Вестник выкинул так и не зажжённую сигарету и поднялся — перед ним открылся шлюз. Океан, бурливший через время и пространство, на миг замер.

— Итак... ты ждал здесь кого-то, правильно? Почему именно я? — слышался спокойный, но холодный мужской голос.

Сирена стихла, и океан словно затаил дыхание. Худощавый мужчина в белой рубашке и тёмных льняных брюках сделал шаг вниз. Длинные, поседевшие волосы развевал ветер; на лице у него почти не было эмоций, лишь лёгкое презрение и улыбка.

— А ты умеешь эффектно появляться. Но раз уж я открыл проход и запустил принтер, используя твою биометрию для восстановления, жаловаться не стану, — отвечал Вестник.

— Привет. Какой сейчас год? — спросил пришедший, его голос был ровен и бесстрастен.

— Год — не главное, — ответил Вестник. — Но раз ты упомянул время... любопытный ты человек.

Незнакомец улыбнулся — улыбка тихая, хладная. Его способность сохранять внутреннее спокойствие в любой ситуации бросалась в глаза. Но под этой маской скрывались и другие более сложные мотивы: человек, которого знали как организатора взрывов и хаоса в старом мире, человек, бросивший вызов Системе, считавшей людей её собственностью. Он пал, прежде чем довёл своё дело до конца.

— Зачем тогда спрашивать про год? Ты думаешь, что здесь всё связано с той сетью Надзора и с твоим прошлым? — продолжил он.

Вестник убирает пистолет в кобуру; он ещё не доверяет человеку, восстановленному по найденному образцу ДНК.

— Сеть Надзора на этой планете была уничтожена сто лет назад, — сказал Вестник. — И многое из этого было делом твоих сторонников.

Незнакомец рассмеялся и крутил в пальцах складную бритву.

— Ты прячешь её слишком часто, — усмехнулся Вестник, не успев заметить, как лезвие выскочило из кармана.

— Это не суть. Ты задаёшь не те вопросы, — произнёс пришедший и сел на ступеньку, глядя в темноту океана. — Не верю, что ты тащил мой генетический профиль через полкосмоса просто чтобы выяснить дату и место. Ты ведь не ради этого наверняка пришёл. И не ради

любопытства. Что хочешь... Точнее. Кого ты ищешь? — он улыбнулся снова, теперь с оттенком вызова.

— Кира мертва. Ты знал её задолго до того, как появились способы хранить память. — В голосе Вестника слышалась усталость и тепло к имени, которое он произнёс тихо.

Незнакомец убрал лезвие в карман и положил взгляд на горизонт. — Знал. Она была блестящим учёным и хотела уйти от власти Системы не меньше, чем я. Её решения — её собственные. Люди ценны, лишь когда действуют по собственной воле. Она хотела сломать контроль, а не стать частью его. В этом она была права. И способ у неё был... свой.

Вестник — человек, прошедший через бесчисленные смены тел и битвы в поисках утраченной любви, — помнил многое. Она оставила ему надежду и идею: если у человека есть средства, он может продлевать жизнь, перенося сознание на носитель. Но вместе с этим возникло другое зло — те, кто управляет такими носителями, становятся хозяевами судеб живых. Человеческая воля должна была снова принадлежать самому человеку.

— Скажи прямо, что мне нужно сделать, чтобы уничтожить верховную власть? — голос Вестника дрогнул от печали и решимости. — Всё это ради неё. Она не сможет жить в покое, пока Система существует.

— Ты действительно хочешь этого? Это путь мести, — тихо спросил пришедший из принтереа. — Ты уверен, что никакой другой дороги нет?

— Да. — Ответ был твёрдым. — В мире, где чужая воля решает за тебя, она никогда не будет свободна. Я видел, как она умирала на моих руках слишком много раз.

Человек, сидевший напротив, знал: он — единственный, кто мог когда-то серьёзно подорвать инфраструктуру Системы Надзора. Он сам разрушал узлы контроля и почти уничтожил центральные механизмы. Смерть прервала его тогда, но теперь — с новой формой и с новой возможностью — всё можно завершить.

— Тогда будем действовать вместе. — Глаза пришедшего сверкнули решимостью. — Сеть, Надзор и их картели — неважно, как они называют себя в новом мире. Мы рождены, чтобы жить. Если система контролирует нашу жизнь и смерть, мы перестаём быть людьми и превращаемся в скот. Скотовод не признает скот равным себе — это и есть аксиома, которую нам надо уничтожить раз и навсегда.

Глаза вечных снегов

Её зовут Келес, и это её история. Полуэльфийке около семидесяти лет по меркам своего рода — она ещё очень молода. Худощавая, с мускулистым телом и длинными ногами. Лицо изрезано тремя белёсыми шрамами, кожа бледная, покрыта многочисленными шрамами и ожогами. На левом плече — знак рабыни: выжженная огнём печать в виде круга с цветком снежного лотоса внутри. Глаза — светло-голубые. Волосы короткие, каре; с левой стороны пряди чуть длиннее, на затылке — несколько косичек, переходящих в удлиненные пряди. Цвет волос — золотистый, как у человека, но с редкими седыми прядями. Все снежные эльфы носят белые волосы. Но она не снежный эльф — она бастард.

У Келес невротичный, мнительный характер. Возможно, эльфийка страдает раздвоением личности из-за тяжёлых психических травм. Она крайне жестока к людям, но добра к животным и природе — как и все эльфы. Не признаёт человеческую мораль, лишена способности чувствовать и любить. Без колебаний убьёт любого человека, что встанет на её пути.

Она испытывает удовлетворение от своих поступков, но действует часто осторожно и осмотрительно. Путешествует одна и редко присоединяется к группам искателей. Делает это лишь тогда, когда преследует большую цель. Даже присоединившись к отряду, ведёт себя скрытно, долго не раскрывая свою истинную природу, наблюдая и оценивая удобный момент. Искерпав все возможности группы, предпочитает убить спутников или исчезнуть без объяснений.

Иногда Келес впадает в состояние апатии, и тогда защитные механизмы её разума пробуждают вторую личность — «Потерянную». Эльфийку годами насиловали и избивали в темницах Ярла. В этом состоянии она почти не может говорить и мыслить рационально, но обычно быстро приходит в себя — услышав крик полярного сокола или пережив лёгкий шок. По легенде племени Келес, рядом с драконом всегда жил сокол, который появлялся в Аонтэртале за несколько дней до прибытия дракона.

Детство и юность она провела в темнице — первые двадцать лет своей жизни. После того как колдун обучил её выживанию, а один из стражников — стрельбе из лука и бою, Келес сбежала из темницы Ярла и убила всех во дворце. Она украла оружие, которое Ярл сделал из дерева её предков. Самого Ярла Келес убила особенно жестоко — на глазах у его жены.

Иногда эльфийка любит поохотиться на уток в лесу, хоть и не всегда удачно. Она не верит ни в одного из богов, предпочитая полагаться лишь на себя. Цель жизни последней из снежных эльфов — убить всех людей, причастных к гибели её народа. А может быть, просто убить как можно больше людей.

Келес ненавидит свою внешность — из-за издевательств Ярла и его людей, хотя, как и все жрицы снежного народа, она очень красива. Её лицо с удлинённым подбородком, мускулистые плечи и узкая шея. От шеи к левой лопатке тянется огромный ожог, полученный ещё в детстве. В лучах солнца полуэльфийка выглядит словно фарфоровая кукла с большими глазами и длинными белыми ресницами.

У Келес есть одно желание — умереть, хотя бы раз увидев дракона. В подсознании всех жриц мороза живёт любовь к дракону холода и желание увидеть его хоть раз — магическая связь поколений не исчезает. Народ снежных эльфов был перебит. Она рождена от последней царицы эльфов и одного из воинов дружины Ярла. Мать Келес была единственной, кого Ярл увёз из города, прежде чем сжечь его дотла. Он срубил священное дерево, забрал реликвии и мать Келес. Её насиловали, сделали рабыней, подвергали публичным пыткам. Кто из этих чудовищ был отцом Келес, её никогда не интересовало. Сам факт её рождения при таких обстоятельствах — уже чудо.

Мать Келес умерла в темнице, истощённая, больная, со сломанными костями. Девочку выходил колдун, запертый там много лет. Ярл хотел, чтобы он нашёл способ продлить ему жизнь. Келес любит плести странные узлы из веревок — привычка, оставшаяся со времён заключения.

Раздался пронзительный крик, вперемешку с бранью, воплями женщин и яростными возгласами мужчин. Сердце Келес билось ровно. Она дышала глубоко, вдыхая холодный воздух. При каждом выдохе из её рта вырывалась привычная струйка пара.

Люди всегда кричат. Кричат, когда рождаются. Кричат, когда живут. Кричат, когда им больно. И даже когда умирают — тоже кричат. Эта мысль не выходила из головы Келес. Она почувствовала напряжение всех мышц в предплечье — тетива вибрировала, будто струна расстроенной лютни.

Сейчас... вот сейчас, тепло внутри её хрупкого, мускулистого тела начало расти — рождаясь где-то внизу живота и поднимаясь вверх, окутывая всё сильнее. Она зажмурилась на мгновение, длинные ресницы покрылись инеем. Келес контролировала напряжение руки, ощущала пальцами наконечник стрелы — и отпустила тетиву.

Между ней и кричащим — футов тридцать, не больше. Он падает сразу после щелчка: стрела пробила череп насквозь. Келес быстрым движением выхватила ещё две стрелы из колчана, успевая боковым зрением заметить мужчину с топором, выходящего с крыльца, и женщину, которую он то ли пытался прикрыть, то ли толкнул вперёд.

Убедившись, что рядом никого нет, Келес начала двигаться. Её тело лёгкое, движения — скользящие, как у змеи. Перепрыгивая через тела, она выдёргивала свои драгоценные стрелы. Доспехи и накидку можно будет купить у торговца... или просто убить его и забрать. А вот стрелы, колчан и лук — нет. Это её сокровища. Бесценные дары, добытые страшной ценой.

Стрелы сделаны из белого дерева Аонтэрталь — священной морозной ивы, что росла в её родном городе под Скалой Мороза. Дерево срубили пятьдесят лет назад... Келес никогда не видела его своими глазами. Родной город сгорел до её рождения. О дереве она знала лишь по иллюстрации в старой, потёртой книге, оставшейся от колдуна, сидевшего в соседней камере. На страницах дерево было прекрасным — огромным, с белыми полукруглыми лепестками и серебристой корой. Под деревом сидела снежная дева, певшая песни, что завораживали Ледяного дракона.

Снежные эльфы владели магией, способной очаровать дракона. Раз в триста лет он просыпался и забирал из города самую прекрасную жрицу — уносил её за океан Грёз, в страну вечного холода. Там жрица пела дракону песни о мире людей, и он засыпал. Так города крайнего севера жили в покое. Люди же всегда пользовались добротой снежных эльфов — и никогда не благодарили за жертвы.

Жрица, живя с драконом триста лет, постепенно привязывалась к нему. Но, пробуждаясь от сна, голодный дракон съедал её — восполняя силы, прежде чем снова уйти в спячку.

Келес грезил о стране вечного холода и драконе всё время, пока пыталась выжить в грязи. Но она знала: ей никогда не увидеть ни дракона, ни ту страну, ни даже родной город. Она — не чистокровная. И никогда не станет ею. Она презирала себя, своё наполовину человеческое тело, лишённое магии жриц холода. Полуэльфийка, рождённая среди людей и никогда не учившая песен эльфов, больше не могла любить никого. Её душа мертва. Точнее — была рождена мёртвой.

Лук был вырезан из белого ствола того древа. Рукоять гладкая, на солнце отливала серебром. Тепло Келес ощущала только, держа этот лук в руках. Тетива, прочная и упругая, сделана из красного шёлка и оленьей кожи из лесов долины Рассвета. Колчан, вырезанный из того же ствола, был покрыт защитным лаком, украшен завитками чёрного металла и узорами мастеров крайнего севера.

На стрелах — письмена армора. Однажды Келес пощадила чародея, который заинтересовал её. Он зачаровал стрелы, увеличив их скорость и бронебойность. Каждый раз, когда Келес пользовалась заклинанием, узоры чуть тускнели. Поэтому она берегла магию — и старалась без нужды не убивать. Обычный человек, не владевший мечом или магией, был слишком лёгкой добычей.

После каждого убийства Келес бережно собирала стрелы обратно в колчан. Они — всё, что у неё осталось. Нить, связывающая её с предками, душами умерших... и памятью о драконе.

Навершие стрел она сделала сама. Однажды, остановившись в глухом лесу, перебила десяток хищных птиц с золотыми перьями. Ей нравилось зажимать навершие между пальцев и проводить по нему перед выстрелом — лёгкая щекотка обостряла чувства и вызывала меланхолию о трудности добычи этих птиц.

Самое ценное в стрелах — их наконечники. Они выкованы из волшебного льда, привезённого из страны вечного холода и созданного из пламени самого дракона. Дракон даровал эльфам осколок льда за каждую унесённую им жрицу. Эльфы берегли эту реликвию, но Ярл Кальдхофф похитил лёд и перековал его в меч и наконечники стрел.

При его имени Келес всегда вспоминала его лицо — жёлтые зубы, мерзкую ухмылку. Тошнота подступала к горлу, но затем разум подкидывал образ его изуродованного тела — и она успокаивалась.

Полуэльфийка подошла к телу убитого, резко выдернула стрелу. Кровь брызнула на лицо, но она улыбнулась.

— Все они умрут... мерзкие людишки. Все умрут... — прошептала Келес и двинулась дальше.

Солнце било в глаза, и на миг всё вокруг наполнилось смехом — звонким, почти весёлым. Изысканным движением она закинула стрелы обратно в колчан. На её красивом лице шрамы в солнечных бликах казались почти украшением.

Девушка ступила на тропу, ведущую из деревни. Останавливаясь лишь, чтобы перевести дыхание, она вновь выпускала смертоносные стрелы — и вновь собирала их. Капли крови покрыли руки и шею, стекая вниз.

Улыбаясь, она обернулась на окраине — никого не осталось.

Келес подняла голову к небу и засмеялась, стирая пальцами кровь со щёк. Закрыв глаза, она увидела ледяную долину, покрытую хрустальными льдами. И услышала рёв — песнь, льющуюся с небес. Она потянулась рукой к тому, что сокрыто в небытии, но не смогла дотянуться.

Открыв глаза, Келес увидела бездонное голубое небо и белые облака, плывущие высоко. А глаза дракона всё ещё смотрели на неё — откуда-то далеко, из страны вечных снегов.

Сказания о Юкари

Путь юного самурая

В провинции Токайдо, в исторической области Исэ, в отдалённой деревне у самого моря жил беглый ронин — даймё Такэдзо. Когда-то он был при власти и отвечал за святилище Исэ. Но в эпоху Сэнгоку война докатилась и до этих мест. Ронина, который до конца служил своему господину, звали Дайкаку Хитаридзи-сан. После смерти хозяина Дайкаку не совершил священного обряда сэппуку, как того требовал долг, а вместе с другими уцелевшими самураями обратился в бегство. Он переделся в простую одежду, сломал свой меч надвое, покрыл голову чёрным платком и ушёл к морю. Там, в уединённом доме, он стал рыбаком, а осколки меча спрятал под камнем у скал.

Дайкаку знал, что обрекает себя на жизнь в нищете, бесславии и бесчестии — ведь побег не подобает самураю. Но он решил жить, чтобы его потомки однажды смыли его позор.

Вскоре он встретил девушку Кушину-сан, которая жила с родителями неподалёку. Они полюбили друг друга, и Дайкаку стал её мужем. Родители Кушины-сан были старенькими и больными и не могли помочь молодой семье. Дайкаку же считал, что бедность — это его наказание, а Ками отвернулись от него.

У них родилось трое детей: старший сын Юкари-кун и две младшие дочери — Майкотян и Мико-тян. Из всех детей Юкари был самым чудесным. Он рос сильным и умным, помогал родителям и никогда не жаловался на холод, голод или бедность. Став старше, он начал помогать отцу с рыбалкой.

Юкари был высок, крепко сложен, часто уходил в горы тренироваться, чтобы стать сильным и выносливым. Он любил слушать истории деда о самураях, великих даймё, Ками и прозрачных аякаси. Он мечтал прославить свой род и сделать семью счастливой.

Но однажды случилось несчастье — Кушина-сан заболела и умерла. Дайкаку увидел в этом гнев богов. Он подозревал сына, достал из тайника обломки своего меча и сказал:

— Пусть этот меч будет перекован заново. Ты — самурай, Юкари. В тебе течёт кровь воинов. Пора тебе отправиться в путь и смыть мой грех перед великими Ками. Сначала отправляйся в святилище Исэ — храм Дзингу. Молись там пять дней подряд Великой Богине Солнца Аматаэрасу о прощении моих грехов. Потом найди кузнеца — пусть он перекует этот меч. Скажи ему, что заплатишь на обратном пути, когда обретёшь славу.

— Отец, — ответил Юкари, — я не владею мечом. Как мне стать великим воином?

— Когда меч будет готов, иди в горы. Найди там отшельника-ямабуси по имени Кирюхэй-но-Дзидай. Он обучит тебя, если ты попросишь и исполнишь его волю. Когда станешь мастером, отправляйся на великую войну. Будь храбр и справедлив. А возвращаясь, отплати добром тем, кто помог тебе.

— Отец, я готов исполнить твою волю. Но кто позаботится о семье, о бабушке и бабушке, о сёстрах? Кто будет ловить рыбу и носить дрова?

— Не тревожься. Когда взойдёт полная луна, и звёзды начнут падать с неба, усни в горах. Во сне ты встретишь того, кто исполнит одно твоё желание. Пожелай то, что сочтёшь нужным. А теперь иди, сын мой.

Юкари простился с семьёй, взял благословение стариков, обломки меча и отправился в путь. Той же ночью Дайкаку-сан, не выдержав вины и скорби, бросился в море со скалы. Ками моря приняли его душу и превратили в прибойную волну.

Встреча с хитрым ёкаем

Придя в Исэ, Юкари, как велел отец, направился в храм Аматаэрасу-но-Омиками. Он молился пять дней, воздерживаясь от пищи и воды. Богиня услышала его и даровала прощение за грех отца.

После этого Юкари отправился к кузнецу. Тот поверил его словам и согласился перековать меч. Пока шла работа, Юкари остался у мастера, помогал ему и обучался кузнечному делу. Расставались они друзьями, с чистыми сердцами.

Затем Юкари отправился в горы, разыскивая монаха-отшельника Кирюхэя. Путь был долгим и тяжёлым. Юкари скитался днями и ночами, но никто не знал дороги к ямабуси.

Однажды у водопада он заметил в кустах странное существо — маленькое, костлявое, с красными глазами и кривым носом. Это был мелкий ёкай Ами-кири — горный проказник, известный тем, что портил рыбацкие сети.

— Я знаю тебя, — хихикнул ёкай. — Ты сын того рыбака!

— Верно, — ответил Юкари. — Скажи, дух гор, знаешь ли ты путь к мудрому монаху Кирюхэй-но-Дзидайю?

— Может, и знаю, — протянул Ами-кири. — Но зачем мне вести тебя? Что дашь взамен?

— У меня ничего нет, кроме меча, — ответил Юкари. — Но когда я вернусь с великой войны, я отплачу тебе сполна.

— Нет, так не пойдёт! Отдай мне свой клинок — и я покажу путь!

Юкари опечалился.

— Не могу, — сказал он. — Без него я не стану воином и не смогу искупить грех отца.

Ёкай злобно фыркнул:

— Тогда и дороги не узнаешь!

Но вскоре он предложил хитрую сделку:

— Давай устроим состязание! Кто поймает больше рыбы в озере, тот и победил. Проигравший отдаёт всё своё добро!

Юкари догадался о хитрости, но согласился. Пока дух готовился, Юкари сплёл небольшую сеть и приготовил приманку. Когда настало время прыгать в воду, Ами-кири нырнул, а Юкари забросил сеть и лишь облил себя водой из фляги.

Ёкай вынырнул ни с чем и кинулся к вещам Юкари — но тот уже стоял с полной сетью рыбы.

— Я выиграл, — спокойно сказал Юкари. — Веди меня к монаху.

— Ты обманул меня! Ты не нырял!

— Но и ты хотел обмануть. В твоих словах не было запрета пользоваться сетью. Победа есть победа.

Ами-кири, скрипя зубами, выполнил обещание и показал Юкари тайную тропу. В благодарность Юкари отдал ему несколько рыбин.

Ученик ямабуси

Кирюхэй-но-Дзидай, горный монах-ямабуси, был могучим воином, отрёкшимся от мира ради служения горным Ками. Его гнев был страшен, когда Юкари нарушил его уединение.

Но, взглянув на юношу, монах сразу узнал черты своего бывшего ученика — Дайкаку. Узнал и вспылал ещё большим гневом, вспомнив его трусость.

— Я не буду тебя учить! — сказал он. — Вдруг и ты сбежишь, как твой отец? Ты трус, мальчишка?

— Нет, — твёрдо ответил Юкари. — Я хочу стать великим воином и прославить ваше имя, сэнсэй.

Кирюхэй смягчился. Он понял, что мальчик нашёл его не случайно — Ками благословили его путь.

— Хорошо. Но прежде ты должен пройти испытание. Три дня и три ночи я буду испытывать тебя. Если выдержишь — станешь моим учеником.

Юкари согласился.

Испытания были тяжёлыми: он сидел под ледяным водопадом, поднимался и спускался с горы, проходил сквозь густые леса. Но он не сдавался. Так началось его настоящее обучение.

Кирюхэй обучил Юкари боевым и духовным искусствам, учил его смирению, дисциплине и вере в Ками. «Ты — глина, — говорил он. — И каждый день ты лепишь из этой глины нового себя. Пусть каждый следующий будет лучше прежнего».

Юкари стал сильным, мудрым и благодарным. В награду он помог учителю построить новый дом и воздвиг несколько святилищ в горах. Ками были довольны, и Кирюхэй отпустил ученика с чистым сердцем.

Сон под звёздами

Юкари отправился странствовать по стране и вскоре оказался втянут в великую войну. Он сражался доблестно, помогал людям, защищал слабых, и слава о нём разнеслась далеко.

Однажды ночью, отдыхая на лугу под цветущей сакурой, он смотрел на небо. Падали звёзды, луна освещала землю мягким светом. Вспомнились дом, сёстры, старики.

Он уснул — и увидел сон. В нём стояла девушка в белом кимоно с розовым поясом и капюшоном, скрывающим лицо. От неё исходило мягкое золотое сияние. На её плечах спал маленький дракон с тёмно-синими крыльями и аметистовыми рогами.

— Вы — Ками-сама? — спросил Юкари.

Девушка улыбнулась.

— Нет, — ответила она тихо. — Я Тацухимэ, дочь Рюдзина, владыки морей. Я наблюдаю за снами людей и иногда прихожу к тем, чьи сердца чисты. Сегодня я случайно коснулась твоего сна, и в знак извинения исполню одно твоё желание.

Юкари вспомнил слова отца.

— Прошу вас, Тацухимэ-сама, пусть моя семья будет счастлива и здорова. Я хочу однажды вернуться к ним и увидеть их живыми.

Принцесса кивнула.

— Это доброе желание. Пусть будет так. Проснись, юный воин.

Когда Юкари открыл глаза, лепестки сакуры вокруг были опалены золотым пламенем.

— Значит, это было не просто сновидение, — прошептал он.

Возвращение

Юкари участвовал в великой войне под предводительством Токугавы Иэясу и добился звания главнокомандующего. В награду он получил управление родной провинцией Исэ.

Возвращаясь домой, он нашёл кузнеца, перековавшего его меч, и щедро отблагодарил его. Дома его встретили живые и здоровые дедушка с бабушкой, а сёстры стали красивыми и счастливыми женщинами.

Юкари понял, что его желание действительно было исполнено. Позже он постригся в монахи и стал служить в храме Дзингу — тому самому, где начался его путь.

Так завершилось сказание о Юкари, сыне безродного самурая, чья воля и добродетель превратили позор в славу.

Окружная дорога

Вот и автобус. Я уже было подумал, что водитель проспал. Окружная дорога в это время обычно полностью загружена. Но до неё ещё нужно было добраться — из нашего маленького городка в центр вела двухполосная дорога, проложенная среди лесов и полей. Я вставал пять дней в неделю в шесть тридцать, чтобы к семи пятнадцати успеть на автобус до центра.

В свои двадцать пять я жил один: родители переехали в другой город, а любимая девушка и вовсе уехала с моим лучшим другом в другую страну. Я был хроническим неудачником. Сел за руль — разбил машину. Решил преуспеть по службе — в итоге меня уволили с высокооплачиваемой должности. Поэтому теперь каждое утро приходилось ездить за тридевять земель на автобусе.

Зимой ещё ничего, а вот летом... сущий кошмар. Запах пота, еды и машинного масла мгновенно пропитывал салон и мою чистую рубашку. Моя жизнь казалась однообразной, скучной и бессмысленной, но... я почему-то отчаянно пытался найти выход. Словно хотел выплыть из одиночества и двухчасовых поездок утром на автобусе на нелюбимую работу.

Двери открылись, карточка в сумке сработала, и я ввалился внутрь. Вин-Таун — маленький городок с населением около двадцати тысяч человек. Молодёжь, работающую в центре, можно было пересчитать по пальцам. Остальные трудились на местной птицефабрике, а кто не работал — тот пил или занимался охотой. Стреляли в лесу кабанов и диких койотов, а потом делились впечатлениями в местном баре «Додж». Зрелище, конечно, не самое увлекательное.

Поэтому, входя каждое утро в автобус, я видел одних и тех же людей, которых знал почти всех по именам. Всех, кто ездил этим маршрутом в центр, можно было пересчитать по пальцам, и их истории давно стали городским достоянием.

— Ллойд! — окликнул меня коренастый паренёк с каштановыми волосами в белой рубашке и с широким портфелем на коленях.

Я вошёл через переднюю дверь и кивнул водителю. Это была полная миссис Тифтс. На её коже виднелись странноватые жёлтые пятна. Она носила штатную униформу — синий костюм, висевший на ней мешком, и ужасную кепку с козырьком.

Вин-Таун медленно уплывал вдаль, за окном показались кроны лесного массива. Бухнувшись рядом с Арни, я в который раз поймал себя на мысли, что хотел бы, чтобы этот чёртов автобус разбился или упал в реку с моста. Лишь бы что-то изменилось, лишь бы не доехать до конечной — и не идти снова вымученно выписывать контракты и накладные.

— Доброе, — сказал я, протирая очки.

Арни — мой школьный друг. Мы ездили на работу вместе. Только вот ему везло куда больше: девушки его любили, а работал он на два этажа выше — старшим менеджером. Однако ни умом, ни остроумием он не отличался. За годы общения я пришёл к выводу, что он просто придурок, но выбирать мне не приходилось.

По правую сторону у окна сидела малышка Кристи — девочка восьми лет с розовыми бантиками. В жёлтой курточке и синей юбке она каждое утро ехала в хорошую школу, где занималась танцами. Вин-Таун такой роскоши себе позволить не мог. Рядом с ней — мальчик лет десяти, Ральф Джонс, сын наших соседей. Он обожал Кристи и повсюду следовал за ней хвостиком.

Вид у меня был явно удручённый и измученный, поэтому дети засмеялись, глядя на меня. Мы с Арни сели в начале автобуса. Я обернулся, чтобы окинуть взглядом салон. Все на месте.

Миссис Фрогель — пухленькая старушка с ярким макияжем. Она ездила из Вин-Тауна по общественным делам и была яркой сторонницей местного общества садоводов. Покоя никому не давала: соседи обходили её дом за километр, ведь стоило кому-то пройти мимо — она тут же вылавливала жертву и пускалась в долгие рассказы о садах и сортах газона.

Сегодня в её сети попала мисс Фригман — тридцатипятилетняя служащая банка с завышенными стандартами мужской красоты. Наверное, поэтому она до сих пор не вышла замуж. Женщины оживлённо беседовали по левую сторону.

По правую сторону, позади нас, сидели Ази и Стейси — две подружки из художественного колледжа. Тупые, глупые курицы. Их отцы — богатые служащие, поэтому и учились эти две блондинки, несмотря на скромные умственные способности, не в колледже Вин-Тауна, а в центре.

Сразу за ними сидел угрюмый человек в сером плаще. На голове — странная треугольная шляпа, в руках — старый портфель. Карл Штоль. Делает вид, будто знает всё на свете, а на деле держит лишь маленькую антикварную лавку.

И вот взгляд мой скользнул в самый конец салона. Они были там — Мари и Джекс.

Мари нравилась мне всегда. Со школы. Сейчас она работала ветеринаром. Красивая молодая девушка с большими зелёными глазами, выющимися рыжими волосами и белоснежной кожей. Она улыбнулась и кивнула мне. Я криво улыбнулся в ответ.

Джекс — её парень. Работал дилером в крупной автомобильной фирме. Симпатичнее меня — и на этом его достоинства заканчивались. Полный придурок, эгоист. Наглый и заносчивый — как Мари вообще могла его полюбить?

Раньше мы с ней дружили, но после появления Джекса общение сошло на нет. Его открытая ненависть к себе я чувствовал почти физически — и она могла легко перерасти во что-то большее, чем просто подзатыльники при встречах в школе. Поэтому я предпочитал держаться от них подальше.

Хотя... я, пожалуй, никогда не любил никого так, как Мари.

Вернувшись в исходное положение, я заметил усмешку на лице Арни.

— Что?! — буркнул я.

— Долговязые и худые шатены-клерки не в вкусе нашей красавицы Мари. — Заткнись!

Вот бы всё происходящее вокруг оказалось лишь дурным, кошмарным сном! Мы бы с Мари проснулись однажды... в нормальном городе, среди нормальных людей. Ходили бы на любимую работу и каждое воскресенье приглашали друзей.

Я даже закрыл глаза на минуту и снова их открыл — в надежде проснуться. Но за окном по-прежнему уныло пролетал один и тот же серый пейзаж, а Мари сидела позади с этим придурком.

Внезапно автобус дёрнулся, послышался скрежет колёс, всё затряслось — и мы остановились. Я моментально бросил взгляд в окно... и меня охватил страх: что-то изменилось.

Небо полыхало кроваво-оранжевыми красками, деревья и поля превратились в ржаво-серые пластины, будто наложенные друг на друга. А по правую сторону виднелось непонятное сооружение — полуразрушенный небоскрёб с пологой крышей.

— Чёрт побери! Что произошло? Миссис Тифтс, дальше не поедём?! — закричал Арни через весь салон.

Остальные сидели на местах. Только Мари, как и я, не могла отвести взгляд от странного строения, на стенах которого будто бы висело множество чёрных коконов.

Я поднялся со своего места и двинулся к передней двери. Следом за мной спрыгнул со своего сидения Ральф. Мальчик сохранял спокойствие — чего не скажешь о Кристи: по её щекам стекали крупные, крокодильи слёзы.

Миссис Тифтс, опустив голову, сидела на водительском месте.

Как давно она водит автобус? Сколько я себя помню? Нет, постойте... Разве она всегда была водителем?

Я вдруг понял, что не могу вспомнить, как давно миссис Тифтс нас возила. Но это ещё полбеды — я даже её лица не мог вспомнить.

Что за чушь?!

— Миссис Тифтс! Миссис Тифтс! — позвал я.

Она молчала. Внутри постепенно рос холодный, липкий страх.

Она же не умерла?..

— Что с ней? — раздался у моего левого уха мягкий голос. — Мари! Прости... ты так внезапно подошла сзади.

Случайно задел её плечом, когда обернулся. Признаться честно, я был слишком напуган.

— Всё нормально, — тихо сказала она. — Мне тоже не по себе. Давай поднимем её.

Мари аккуратно протянула руку и коснулась плеча миссис Тифтс. Я перегнулся через кресло и взялся за другое. Мы потянули на себя — и голова миссис Тифтс безвольно перегнулась, привалившись к спинке сиденья.

Мари вскрикнула и отпрянула к лестнице. У меня внутри всё сжалось, органы будто свело, а горло перехватило судорогой. Я зажал рот ладонью.

Что вообще здесь творится?!

Вместо лица у миссис Тифтс была надета белая фарфоровая маска, словно сросшаяся с кожей головы и шеей. Глаза — узкие прорези с тёмными потёками под ними. Рта не было вовсе.

Переборов отвращение, я снова тронул её за плечо. Никакой реакции.

— Похоже на фильм ужасов, который мы недавно смотрели, Ллойд! — возгласил Арни, в котором, похоже, паника обернулась восторгом. — Будто нас засосало в пространство между мирами! Мы точно в преддверии ада! Посмотрите вокруг!

Он подскочил к нам и помог Мари подняться.

В этот момент с приборной панели автобуса раздалась тошнотворная мелодия — странная смесь детской песенки и военного марша. Затем взвыла сирена: противно, пронзительно, протяжно — так, что всем пришлось зажать уши.

— Что за фигня?! — крикнул кто-то.

Когда сирена наконец замолкла, мерзкая музыка продолжала играть — тише, словно фоном.

И тут послышался голос мужчины — спокойный, как у диктора, объявляющего скидки в торговом центре:

— Добро пожаловать! На увлекательнейшее событие в вашей жизни! Вы стали счастливыми участниками игры — «Выжить или умереть»! Вы застряли здесь навечно. Единственный шанс выбраться — добраться до здания. Видите?

Я снова посмотрел в окно — на полуразрушенный небоскрёб с выпуклыми коконами на стенах. — Поднимитесь на крышу, — продолжал голос, — а затем пройдите лабиринт внутри и найдите выход. Однако каждые тридцать минут температура окружающего воздуха будет повышаться на пять градусов. Сейчас за окном +5 °С. При температуре 60 градусов ваши клетки начнут разрушаться, и тело не сможет выжить. У вас есть десять часов. Удачи!

Я оглядел всех, кто был в автобусе... Невообразимый ужас и полное непонимание застыло в их глазах.

Шутка? Дурной сон? Стечение обстоятельств? Игра кого-то? Террористы? Инопланетяне? Где мы и что, чёрт возьми, происходит?

Дети закричали одновременно. Две молодые дурочки — Ази и Стейси — вторя им, тоже разрыдались во весь голос. Господин Штоль выронил свой портфель и стоял, уставившись в никуда. Миссис Фрогель, почти истерически цепляясь за мисс Фригман, доказывала ей, что мы умерли и попали в ад.

Арни с мольбой смотрел на меня, а Джекс, сохраняя холоднокровие, встал и пересёк автобус, чтобы убедиться в смерти миссис Тифтс.

На удивление, я был спокоен. Глядя себе под ноги, перебирал в голове десятки мыслей — о возможных причинах и вариантах нашего заключения. Однако я уже не сомневался в

реальности происходящего: несколько раз ущипнул себя. Больно. Мы живы. Мы определённо живы.

Это эксперимент. Кто-то определённо всё подстроил. Не знаю пока как, но... вокруг будто кто-то наблюдает. Точно — чей-то зловещий эксперимент.

— Ну и кто из вас засёк время, когда началась трансляция? — угрожающе спросил Джекс, поднимая запястье и разглядывая дорожные часы. — В восемь тридцать, — ответил я. Конечно, не рассчитывал, что он поблагодарит.

Джекс бросил на меня уничтожающий взгляд и, не говоря ни слова, повернул колесико на своих часах.

— Засёк время. Теперь идём! — скомандовал он и открыл переднюю дверь автобуса. — Куда идём? — с дрожью в голосе поинтересовалась миссис Фрогель. — Бабка, ты что, совсем сдурела?! Конечно, к тому зданию. Я не намерен сидеть здесь и жариться — собираюсь найти выход! Кто со мной? Пошли! А кто хочет остаться и ждать обещанного «тепла» — удачи. Идём, Мари.

Джекс был прав. Он был грубым и тупым подонком. Но всё же прав. Останемся — умрём. Пойдём дальше — будет хоть какой-то шанс.

Помимо надвигающейся проблемы — повышения температуры, были и другие очевидные: у нас не было ни еды, ни воды, ни оружия. А ведь что-то убило миссис Тифтс. Нечто зловещее и ужасное. Его дыхание будто ощущалось повсюду.

Нужно было уходить. Искать выход из этого кошмара.

— Нам поздно выяснять, что это за место и как мы сюда попали. Нужно искать выход, — поддержал я Джекса и поманил к себе плачущую Кристи с Ральфом.

Я посадил Кристи себе на плечи, а Ральфа передал Арни. Мы спустились по ступенькам и вышли на воздух. Рядом стояла улыбающаяся Мари — кажется, она была рада моему поступку.

Вслед за нами из автобуса показались девчонки, наконец взявшие себя в руки. Господин Штоль вышел с безумными глазами, прижимая к груди портфель. Мисс Фригман, оборвав длинную юбку и сломав каблучки на туфлях, спустилась следом. А вот миссис Фрогель осталась сидеть в автобусе.

— Всем ясно, она и полпути не пройдёт. Пусть лучше так! — радостно воскликнул Джекс.

Мари с угрожающим видом вlepила ему пощёчину.

— Что? Мари, очнись! Мы в ловушке. Выживет только сильнейший. Бабка не протянет и часа. Нужно её оставить. Идёмте, чего застыли!

На лице старухи будто отразились все её чувства. Она перестала кричать и бормотать, что мы попали в ад за грехи. Просто сидела и молча смотрела перед собой — несчастными, пустыми глазами, полными смирения.

Она решила прекратить борьбу за жизнь. Осталась умереть, чтобы дать нам шанс.

Никогда бы не подумал, что миссис Фрогель на такое способна.

У Мари на глазах навернулись слёзы. Джекс сгреб её и, держа за локоть, потащил сквозь пустынное поле к виднеющимся вдалеке развалинам огромного многоэтажного здания.

Пока мы брели по выжженной траве, я всё время оборачивался — представляя, как нечто пожирает душу дряхлой, полусумасшедшей старухи, оставляя после себя лишь белую безликую маску вместо лица.

Сон... Кошмарный, жуткий сон.

— Ллойд, что думаешь? — услышал я тихий шёпот позади. Арни шёл за мной, держа за руку Ральфа, который не спускал глаз с Кристи. Она сидела у меня на плече и, кажется, немного повеселела.

— Сон. Или кошмарный эксперимент пришельцев, — спокойно ответил я другу.

— Нет! Я о Джексе! Не по душе мне, что он тут наш, типа, неформальный лидер.

— Дурак ты, — буркнул я. — Если Джек — единственное, что тебя реально волнует. Джек и Мари шли впереди. Он постоянно смотрел на часы. Наконец остановился, обернулся с дьявольской усмешкой и объявил:

— Час прошёл. Температура за бортом — плюс десять. Из-за кого-то мы тащимся слишком медленно...

Он явно намекал на нас — с детьми и мисс Фригман, которой, судя по лицу, давно осточертело идти по бездорожью.

— Начать взбираться на крышу нужно хотя бы, когда будет плюс двадцать. Если температура станет выше — никто из нас до лабиринта не дотянет.

Мари была недовольна его словами, но он, увы, был прав. Кретин Джек был прав.

Никуда мы не денемся. Попадём в лапы смерти — но бросить здесь несчастных детей? Я не мог. Я не Джек.

Надеюсь, Мари когда-нибудь это поймёт.

Через пятнадцать минут мисс Фригман начала ныть и причитать, что нужно сделать привал — ей хочется в туалет, да и ноги совсем устали.

На горизонте, между полуразрушенным зданием и нами, показался песчаный холм — будто бархан. Откуда здесь песок? Мы точно уже не в Вин-тауне.

Перед барханом мы и остановились. Обессиленный, я плюхнулся на землю; Арни и девочки — рядом. Детям хотелось пить.

К счастью, у Мари оказалась небольшая бутылочка воды, и она отдала её им.

На это Джек презрительно бросил:

— Пустая трата времени. У вас пять минут. Мисс Фригман удалилась за бархан, но почему-то вскочивший Джек сразу же пошёл следом. Мари лишь пожала плечами и осталась с нами. Он вернулся минут через три и тут же начал командовать, чтобы все собирались. Он вернулся — а мисс Фригман так и не появилась.

Это показалось мне подозрительным. Я шепнул Арни и Мари, которые, судя по взглядам, тоже заметили неладное:

— Идите вперёд. Я догоню вас.

— Проверишь, что с ней? — Арни явно переживал не меньше моего. На лице Мари отразился страх и тревога. Она посмотрела мне прямо в глаза:

— Возвращайся быстрее, Ллойд. Джек меня пугает.

Они встали и, ведомые Джеком, направились вправо, огибая бархан, к виднеющемуся зданию. Я же быстро шмыгнул влево.

Прошло уже полтора часа. Температура поднялась до пятнадцати градусов. Я расстегнул верхнюю пуговицу рубашки и двинулся туда, где скрылась мисс Фригман.

Поначалу мне попадались лишь искорёженные металлические конструкции, похожие на останки машин или какой-то техники. Но женщины нигде не было.

Не могла же она просто исчезнуть?

И тут я нашёл её.

По тёмной луже крови на песке. На фоне металлических обломков и ржаво-рыжей земли отчётливо виднелось тело мисс Фригман в красном платье — перекошенные ноги, проломленный череп.

Меня вывернуло. Я упал на колени, зажал рот рукой и зажмурился. Тело уже начало темнеть, словно покрываясь пеплом.

Что, чёрт возьми, здесь происходит?..

Я побежал назад. В голове крутилась только одна мысль: Джек убил её. Проломил ей череп. И он убьёт нас всех, чтобы выжить. Это странное место свело Джека с ума. Нужно догнать их.

Я приблизился к полуразрушенному небоскрёбу. Если взглянуть сверху, казалось, что здание распилено пополам.левой половины не было — вместо неё зияла голая дыра. Остальная часть, нависая угрожающе, поднималась на неопределённую высоту. Открытые, словно обрубленные офисы, с торчащей арматурой, сыплющейся штукатуркой и свисающей с отвесной высоты офисной мебелью выглядели жутко.

Вокруг здания штабелями были сложены огромные книги. Фантастически огромные — словно кольцо, обрамляющее полуразрушенный небоскрёб. Повсюду в воздухе летали сожжённые листки и вырезки из газет. А сами книжные переплёты были покрыты чёрными, кровотокащими коконами.

Моя компания собралась у подножья здания. Я выдержал суровый взгляд Джекса, а Мари, обрадовавшись, сразу спросила:

— Ллойд! Где мисс Фригман?!

— Похоже, она заблудилась. Я не смог её найти, — спокойно ответил я, не отводя взгляда от пылающих ненавистью глаз Джекса.

— Отлично! — усмехнулся он. — Умник, мы тут обсуждаем, как попасть наверх. Идеи есть? Кстати, за бортом уже плюс двадцать — становится жарковато!

Ази и Стейси вытряхивали песок из ботинок. Господин Штоль, с отстранённым видом, перебирал документы. Арни играл с детьми.

— Я думаю, коконы вырастают из книжных переплётов не просто так. Мы можем забраться по ним... — уклончиво сказала Мари.

— Фу, какая гадость! — Стейси подошла к ближайшему и дотронулась. — Они липкие, вонючие, но вроде плотные!

— Тебя никто лезть наверх не заставляет! — крикнул Джекс, ухватившись за ближайший выступ. Развернувшись, он подал руку Мари.

Арни усадил себе на спину Ральфа, Кристи взобралась ко мне. Мы полезли следом, затем девчонки, и замыкал процесс господин Штоль. В принципе, путь был недалёкий.

Кокон, словно живой, ходил ходуном, изнутри доносился странный хлопающий звук. Хвататься за них было жутко неудобно: гной был липкий и скользкий.

Между четвёртым и пятым этажом, из переплетов, стало ощущаться повышение температуры ещё на пять градусов. Рубашка прилипла к телу, пот стекал по лицу. Кристи вцепилась мне в шею пальчиками ещё сильнее, потому что они соскальзывали.

Джекс и Мари первыми достигли плоской части разрушенного здания.

И тут раздался вопль мистера Штоля. Я перегнул голову и в ужасе увидел, что произошло...

Кокон начал лопаться. Сначала нижние, затем верхние.

Из кокона мистера Штоля торчало непонятное существо — похоже на восковую куклу с белой маской, как у миссис Тифтс, и телом насекомого. Оно наполовину вылезло из кокона и заглохило несчастного Штоля вместе с портфелем.

Ази и Стейси завизжали.

Арни, не обращая внимания на крики, добрался до верха. Я перепрыгнул и ухватился за выступ — Арни помог мне вылезти.

Стейси была ближе всех к волне лопающихся коконов. Ази чуть ближе к нам.

— Живее! Давайте живее! Оно близко! Стейси! — я закричал, протягивая руку.

Я схватил Ази — она повисла на моей руке, не в силах подняться. Она смотрела вниз и кричала, заливаясь слезами:

— Стейси!!!

Но было поздно. Раздался хруст — и существо с безликой маской утащило Стейси.

— Ллойд,пусти меня! Ллойд, немедленнопусти меня! — она раскачивалась,заставляя меня выпустить пальцы. Мне было тяжело: руки потные, Ази скользила, а кокон всё приближался.

— Ази, я не удержу тебя, если будешь раскачиваться... Пожалуйста, потерпи, мы сейчас тебя вытащим...

Она успокоилась и посмотрела на меня своими большими, красивыми глазами. Она ещё так молода! Нет... Не смей отпускать мою руку!

Девушка протянула правую руку и отцепила пальцы. Сорвавшись, она, словно чёрная точка, шлёпнулась вниз, а безликие насекомоподобные твари, похожие на огромных богомолов, ринулись за её телом.

Мари заплакала. Я перекатился на спину и тяжело задышался.

Чёрт! Чёрт! Мы почти в лабиринте!

— Подумаешь! — крикнул Джекс. — Эти дурочки всё равно бы заблудились в лабиринте. А от тупого мужика с кейсом — вообще никакого толку. Забейте, нужно бежать дальше, пока эти твари не опомнились и не полетели за нами!

В полуразрушенных офисных помещениях мы заметили проход, заворачивающий за угол. Мы побежали туда — уже невыносимо жарко, хотелось пить, Кристи постоянно плакала.

Завернув за угол, мы увидели тёмный коридор, заканчивающийся металлической дверью, увешанной лоскутами и кусками полиэтилена, забрызганного кровью.

Я чувствовал, как бешено колотится сердце. Мы добежали до двери — Джекс распахнул её, и мы влетели внутрь, не подозревая, что нас ждёт...

Мы упали вниз в темную пустоту.

Когда я очнулся, вокруг никого не было. Я оказался будто в развалинах древнего монастыря, который находился под землёй. Про себя подумал: здесь ещё жарче. Похоже, мы все упали в разных частях лабиринта.

Шатаясь, я пошёл по слабо освещённому каменному проходу. Вперед — только вперед.

Я оторвал себе низ брюк, превратив их в шорты, и снял рубашку. Невыносимо хотелось пить, с меня стекали ручейки пота.

На стенах сияли странные зеркала, вокруг которых чёрной тушью были нарисованы безликие маски.

Я брёл вперёд, пока не услышал женский крик и бросился туда. Бежал, не разбирая дороги, и понял, что уже шлёпаю по чёрным лужам.

О, нет... Меня охватила паника и страх.

Крик прекратился, а впереди, среди камней на полу, в чёрной луже проскальзывал алый блеск. Я завернул за угол и замер.

— Мари! Мари! — она лежала на полу, кофта была пропитана кровью, волосы мокрые. Ноги наполовину в луже. Я подбежал к ней. — Мари! Мари! — бухнувшись на колени, я опустил её голову себе на колени. — Мари! Нет! Очнись же! — я прижимал её холодное лицо к губам и понимал... Она мертва. Моя любимая, красавица Мари, мертва и больше не откроет глаза. — Мари, я так и не сказал... что люблю... — голос сорвался; никогда ещё я не плакал так сильно. У неё из живота торчал ритуальный кинжал. — Джекс! — я поцеловал Мари в последний раз. Меня охватил гнев: нужно найти его и убить! Не позволю ему выбраться отсюда!

Сквозь жуткие каменные катакомбы я побежал дальше. Я был близко... Меня подгоняла ярость. И вот в конце коридора забрезжил тусклый свет от огня. Проход кончался аркой, и я вбежал в огромную пещеру с высокими сводами.

Посреди — тёмная вязкая жижа, среди которой сияли пятна чистой воды. Жижа будто болталась над поверхностью, а под ней — горячая вода. От арки к воде шли деревянные мостки. На той стороне — ещё одна арка, более широкая, в виде белой маски: проход был прямо там, где у маски располагался рот. От арки путь делился направо и налево, а посередине стоял

каменный постамент с сотней белых и цветных масок. На мостках лежали ряды деревянных луков и стрел; между ними блестели кинжалы — вот откуда Джекс взял оружие. По краям пещеры в чашах горели факелы.

Собрав волю в кулак, я прыгнул в воду. Она была горячая. Я плыл под водой, оглядываясь, чтобы не попасть в масляную жижу, когда буду всплывать. И тут меня словно пронзило страхом и ощущением ледящего кошмара — я не был один в воде: там кто-то был. Захлебываясь и барахтаясь, я греб сильнее; меня тянуло в глубину, но я уцепился за деревянные подмости и из последних сил вылез, даже не чувствуя боли от порезов о стрелы и лезвия, разбросанные по настилу.

И вовремя... Из чёрной жижи на меня уставились пустые лица в белых масках. Они следили за мной. Я схватил лук. Даже не знаю, откуда я знал, как им стрелять; судорожно хватая стрелы, я пытался поразить пустые лица в масках, но стрелы проходили сквозь тени. Бросив это занятие, я схватил кинжал и двинулся вперёд.

Было настолько жарко, что глаза слипались — мне было трудно их открыть. Я прошёл через арку к гигантскому постаменту с масками. По левую сторону, за углом, заметил массивные круглые металлические балки... Это была широкая лестница вверх. Закинув голову, я увидел туннель, в конце которого мерцал белый свет. Выход!

Направо проход вёл в ещё один коридор — не каменный, а скорее похожий снова на современный, с выбоинами и нишами в стенах. В поле зрения попали две серые двери по разные стороны коридора. А куда ведёт этот коридор? Обратно в лабиринт?

Приступ паники охватил меня ровно в тот момент, когда Джекс налетел на меня. Он сбил меня с ног, и мы кубарем покатались по каменным плитам. В свете огненных факелов его лицо ещё более перекосило ненавистью и злобой.

Он оказался сверху, в правой руке занесён нож:

— Крошка Ллойд! Выход, мы его нашли! Однако выйду только я!

— Где Арни? Что ты сделал с Кристи и Ральфом?! — закричал я.

— Арни, твой дружок?! Вместе с крошкой Мари где-то на небесах... Он пытался её защитить. Твою Мари... — он был безумен. Глаза мутные, а голос почти лающий.

Рука Джекса с ножом тряслась и вибрировала. Лево́й я держал его за запястье, а правой — свободной — держал подобранный кинжал. Я выгнулся, и нож Джекса с силой вонзился в каменный пол, а мой кинжал — в его бок. Поднажав на рукоять, я воткнул лезвие ещё глубже.

На меня хлынула его кровь. На лице безумца застыло удивление, глаза закатились, он повалился на меня, но я успел оттолкнуть истекающего кровью Джекса.

Шатаясь, я уцепился за холодные металлические поручни лестницы и полез наверх. Выберусь...

Где-то на задворках сознания мелькнула мысль:

— Ллойд, что ты делаешь?! А как же Кристи и Ральф? Они могут быть ещё живы!

Ведомый предчувствием, я опустил глаза вниз. Уже на приличной высоте заметил фигурку мальчишки со спины — Ральф стоял ближе к правому коридору. Борясь с собственным страхом перед безликими, я опустил ногу вниз и быстро слез.

— Ральф! Кристи! — у двери правого коридора мелькнула тень девочки. Точно Кристи!

Перебираясь аккуратно из ниши в нишу, я двинулся к полуоткрытой двери. Девочка стояла рядом и плакала. Она плакала над растерзанным телом Ральфа. Он лежал рядом, в грудной клетке зияла дыра — сердца не было. Ральф мёртв.

— Кристи! Иди сюда! — но она даже не повернулась, будто не слышала меня. Я сделал ещё шаг к ней — и она исчезла в темноте за дверью.

В ушах стучало моё сердце. Чего я боюсь? Это всего лишь ребёнок... Решительно шагнул к двери и распахнул её. Там была темнота, и открытая дверь пропускала тусклый свет, освещающий спину Кристи. Она плакала. Вокруг — чёрная пустота, а она плакала, видимо, от страха.

— Кристи, всё хорошо... Я здесь... — шагнув за порог, я ощутил давящий страх черной пустоты вокруг. Но поборол его. Коснулся плеча девочки — и только тогда заметил, что её одежда вся мокрая и рваная, в кровавых пятнах и разводах.

Надавив на её плечо, я развернул её к себе...

На меня глазела безумная, пустая, безликая маска. В прорезях для глаз — страшные жёлтые зрачки, а в рту — чёрная прорезь, растянутая в жуткой улыбке.

Страх парализовал тело. Я не мог пошевелиться. Безликая открыла пасть... И меня поглотила тьма. Собственный крик утонул в пустоте.

— Остановись! Остановись! Отпусти меня! — я открыл глаза и понял, что вокруг вовсе не темно. Я был не в пустом коридоре. Тело покрыто испариной, тонкая простыня прилипла к коже, правая рука онемела. Я опустил голову и увидел копну рыжих волос.

— Мари?.. — прошептал я, ошеломлённо оглядываясь. В свете луны я узнал комнату — это моя спальня. Моя квартира. Моя кровать.

— Ллойд, тебе опять приснился кошмар? — сонно пробормотала Мари, приподнимаясь и касаясь моей щеки холодной рукой. Я сгреб её в объятия и крепко прижал к себе.

— Мари... мне приснилось, что я умер. В жутком месте. И тебя там не было...

— Вот дурак, — она мягко рассмеялась и поцеловала меня в шею. — Хотя знаешь... я где-то читала, что когда человеку снится собственная смерть, он действительно умирает — только в одном из сотни параллельных миров. В другой жизни.

— Значит, не повезло тому Ллойд, — тихо ответил я.

Я немного успокоился, но перед глазами всё ещё мелькало бледное лицо безликой девочки в маске. Да... Ллойд умер. Тот Ллойд, у которого была нелюбимая работа. Тот, кто не смог защитить Мари. Другой Ллойд — в другой жизни — умер.

А я жив. И Мари рядом.

Приключения Ирис

День первый Зенитное солнце своим оранжево-жёлтым диском медленно надвигалось на прилегающую к замку территорию. Многоуровневые, искрящиеся фонтаны, величественные зелёные сады, могучие стволы вековых лип утопали в ярких лучах, проливавшихся на землю сквозным дождём. Караул почти спящих солдат вокруг крепостных стен лениво нёс свою полуденную службу, предвкушая сытный обед и свежий, только-только испечённый хлеб из местной пекарни, запах которого уже витал в воздухе, перемешиваясь с ароматами летних цветов.

Дворец будто погрузился в непроницаемую тишину, нарушаемую лишь криком придворного ворона. Эта птица, конечно, ни минуты не могла усидеть на месте — летала туда-сюда без умолку и устали между королевскими палатами и «Световой башней», где жил мрачный слуга короля — его главный советник и счетовод, хранитель казны, хромо́й старичок Монета Суровый.

Между его невзрачным пристанищем и королевской опочивальней, на нагретой солнцем крепостной стене, устроившись между двумя каменными зубцами, сидела девушка в небесно-голубом платье. Она, совсем не боясь высоты, болтала ногами, будто пытаясь бежать по воздуху, напевая себе под нос давно забытую мелодию из детства. То была принцесса королевства — Ирис Голубоокая. Её длинные тёмные волосы прямыми волнами переливались на играющем с ней в солнечные зайчики свете. Мягкие черты лица и мечтательный взгляд достались ей от матери, а вот вздёрнутый носик и небесно-голубые глаза — от отца, короля Ириса I.

Возможно, сейчас он вместе с первым камергером уже рассекает весь дворец в поисках снова сбежавшей принцессы. Юную правительницу перспектива наказания совсем не пугала — куда больше её возмущала необходимость вернуться к своим непосредственным обязанностям.

— Отрастить бы себе крылья да улететь отсюда подальше! — мечтательно произнесла девушка, прогоняя в мыслях плеск далёких волн. Она никогда не бывала нигде, кроме столицы, да и вообще дворец покидала нечасто. Воображаемые путешествия подпитывались лишь книжными знаниями о невиданных странах и волшебных оазисах.

— Знаешь, Ирис, если ты о той дурной птице, то я бы не советовал, — мрачно констатировал большой чёрный кот, сидевший рядом с ней. Мяури был с ней с самого детства — неразлучный фамильяр, крайне обидчивый, но столь же умный, будто шерстяной сын королевского летописца.

— Ну, Хароса можно понять. Он бы и хотел улететь, да не может... совсем как я, — устало вздохнула принцесса.

Неизведанные берега, далёкие королевства снова и снова представляли в мыслях дочери короля. Постепенно окрепнув, они станут великой мечтой.

День второй Принцесса на цыпочках приближалась к полуоткрытой двери тронного зала. Кот осуждающе крался за ней.

— Ирис, что ты делаешь?! Нас услышат! — испуганно прошипел Мяури, следуя по пятам и прячась в подоле её платья.

Они подкрались, внимая узкой полоске света, льющейся из приоткрытой дубовой двери зала, где Король принимал видного заморского гостя. Величественный колонный зал утопал в переливающимся блеске шести разных цветов. Левую сторону дворца украшала сложная мозаика из витражей, напоминающая паутину света. В углублении, на мраморном постаменте, восседал Ирис I — на резном троне из дерева, украшенном золотыми пластинами и живыми цветами. Седалище под стать Королю: красивое, благоухающее и благородное.

По левую и правую руку от владыки стояли гвардейцы, облачённые в плотные доспехи с белым отливом, вооружённые острыми копьями и щитами во весь человеческий рост. Прави-

тель Цветочного Королевства разменял пятый десяток, но, казалось, возраст лишь добавил ему статности. Длинный алый плащ, расшитый синими ирисами, спускался к его ногам, а обитый серебром нагрудник надёжно оберегал сердце владыки.

Он задумчиво и учтиво кивал, слушая длинный рассказ незнакомца, стоявшего перед ним. Гость был виден принцессе лишь со спины: высокий, загорелый, широкоплечий кочевник с блестящей саблей, висящей на множестве ремней, обвязанных вокруг его торса. Свободный белый халат, не сковывающий движений, был покрыт пятнами дорожной пыли и въевшейся грязи, будто он действительно прибыл во дворец после долгих странствий.

Незнакомец увлечённо вешал историю своих приключений, активно жестикулируя и намеренно повышая голос, придавая словам южную страсть. Он говорил на общем языке, хоть и с тяжёлым акцентом, и Ирис приходилось напряжённо вслушиваться в каждое слово, чтобы уловить смысл. Но принцесса понимала главное — визитёр был истинным героем, странствующим по свету в поисках чудес и открытий. Совсем как мечтала она сама!

— Мяури, давай отправимся в приключение! Как настоящие авантюристы! — прошептала дочь Короля с хитрой улыбкой, осторожно отступая на шаг.

— Ирис, это плохая затея! Нас точно поймают! — запротестовал кот.

— Трусишка!

— Ирис... нам хотя бы нужно собрать вещи в дорогу! Какой путешественник без поклажи?

— Ох, об этом я и не подумала!

— Радуйся, что у тебя есть я, — важно подчеркнул свою значимость пушистый мудрец. — Чтобы отправиться в приключение, нам потребуются: карта наших земель и дальних стран, звонкие монеты на добрый путь, вкусная снедь про запас... и, наконец, Ирис, нам нужно оружие — чтобы отпугивать злодеев и лиходеев!

— Мяури! Что бы я без тебя делала! — вдохновлённо воскликнула будущая королева, схватила кота на руки и закружила его, прижимая к себе.

Вдруг коридор, примыкающий к тронному залу, заполнил шум. Кот и Ирис пристыженно замерли, вслушиваясь в приближающиеся шаги. Кто-то шёл! И явно спешил прямо в тронный зал.

Из-за угла показалась низенькая фигура первого камергера короля, по прозвищу Стебель Сварливый. Мужчина, словно проворный сыщик, мгновенно отыскал свою пропажу суровым взглядом.

— Принцесса! А я вас везде ищу! Вам нужно срочно вернуться к урокам — вас ждут учителя этикета и танцев, — предельно сурово отрапортовал Стебель Сварливый.

Принцесса потупила виноватый взгляд, опустила оторопевшего кота на пол, а затем, аккуратно собирая подол платья в сжатые кулачки, закричала:

— Скорее, бежим, Мяури! — и, развернувшись на каблуках, ринулась прочь от королевского камергера.

День третий В «Световую башню» вела винтовая лестница, мощённая каменными ступенями. Монета Суровый — королевский казначей — жил на самом верху башни, хранил секреты короля и предпочитал держаться особняком от прочих слуг. Лишь на малом совете, проходившем в конце каждой третьей недели месяца, он достаивал придворных честью личного присутствия. И то — исключительно по долгу службы. В здравом уме и трезвой памяти Монета ни за что не покинул бы пределов своей башни.

Худощавый старец с белоснежной бородой обладал математическим складом ума и феноменальной памятью. Для короля он был незаменимым советником, и потому монарх прощал старику его чудачества.

Два незадачливых «вора» точно знали, что сегодня хозяина башни не будет с утра и до первых обеденных колоколов, призывающих к смене караула. Ирис пришлось проявить недю-

жинную смекалку и всю свою удачу, чтобы добыть ключ от тёмной каморки под самым шпилем башни. Прихватив пушистого фамильяра, принцесса взбежала по лестнице, стараясь не поднимать много шума. Ведь внизу «Световой башни» находился спуск в подземелья, где хранилась казна государства — тоже под надзором сурового казначея. Ирис не хотелось ненароком взбаламутить стражу.

Расчёт принцессы был прост: подняться в башню, отпереть дверь ключом и забрать пару-тройку золотых монет, наверняка заваливавшихся без дела у счетовода. Других мест, где можно было бы достать средства на предстоящее приключение, Ирис не знала. Однако перспектива становиться заправской воровкой ей совсем не улыбалась, поэтому она решила, что это будет честный обмен.

Посему приготовила для размена свой лучший домашний пирог с лимонной крошкой и пряной корицей. Полдня ушло на готовку: будущая королева успела словить гнев главной кухарки Розы и непонимание со стороны её сына — поварёнка по имени Лист Златолицый. Но всё же, общими усилиями, пирог был готов. Ирис несла его в глубокой корзинке, а кот, шедший рядом, всё время принюхивался к источающему угощением манящему запаху.

Пока всё шло без проблем. Они добрались до двери, открыли её и проникли в жилище хранителя злата. Комната оказалась настолько маленькой, что Ирис с трудом могла представить, как здесь вообще можно жить. Вековая пыль покрывала шкафы и полки, заполненные сверху донизу диковинными корешками книг. Широкий стол перегородил почти всё свободное пространство и был завален бумагами, свитками, донесениями и счётными накладными. Единственное окно в каморке было настежь распахнуто, и солнечный свет с трудом пробивался внутрь убежища монетного гения.

— Стой у двери! Мяукни, если кто-то идёт, — шёпотом напутствовала принцесса своего фамильяра.

Кот переживал всю гамму негативных эмоций и уже представлял себе гнев короля, крики камергера и ругань казначея, узнай они о задуманном ими вероломном «расхищении царской казны».

— Только давай быстрее! — шикнул шерстяной страж, виновато высунув морду за дверь и встав на шухер.

Принцесса, с трудом отыскав путь сквозь разбросанные по полу книги и свитки, добралась до стола. Она поставила корзинку с пирогом на самое видное место — чтобы уж точно заметили, — а затем оглядела ворох бумаг. На глаза ей попался аккуратный кожаный мешочек с длинными завязками. Она потянула их на себя и победно извлекла искомое, чуть не обрушив стопку выдавших виды казначейских листов. Внутри звонко бряцали с десятка два золотых монет.

На первое время хватит, а потом она обязательно всё вернёт счетоводу, как только найдёт сокровища и привезёт их обратно во дворец после своего великого путешествия.

Обрадованная, принцесса уже собиралась уходить, как вдруг подняла взгляд — и встретилась глазами с пронзительно-жёлтым взглядом мудрой птицы. Ворон сидел на подоконнике, только что вернувшись с хозяйского поручения.

— Кар-р-р! Кар-р-р! — дважды выкрикнул он. Говорить, в отличие от Мяури, фамильяр казначея не умел, но смысл был ясен и без слов: «Преступление! Расхищение среди бела дня! Воры!»

— Попались! Ирис, бежим! — скомандовал кот, в мгновение ока очутившись рядом с хозяйкой.

Опешив от страха, принцесса выронила мешочек, схватила шерстяного спутника и, не раздумывая, бросилась бежать вниз по лестнице.

Ворон влетел внутрь каморки, подцепил монеты клювом и аккуратно положил их обратно на место.

После полудня Монета Суровый вернулся в своё жилище и обнаружил на столе накрытый салфеткой лимонный пирог. Угощение старик поделил с верной птицей пополам. А о том, кто оставил столь вкусный подарок, казначей так и не узнал. Ворон унёс эту тайну вместе со съеденным пирогом.

День четвёртый Бодрым шагом, почти пританцовывая, Ирис в компании пушистого доходяги бежала через внутренний двор — навстречу солнцу, цветам и новым свершениям.

— Да... монеты пока добыть не удалось. Но не будем предаваться печали! — успокаивал девушку кот, вспоминая осуждающий взгляд ворона и их неудавшееся проникновение в каморку главного счетовода. — Ирис, мы отыщем сначала всё остальное, а потом вернёмся к пропущенному.

— Брось! Я не сдамся. Я отправилась бы в путь и без монет... но да, ты прав — сдаваться точно рано! — согласилась принцесса.

Во дворце существовало лишь одно место, где Ирис и Мяури могли отыскать следующий необходимый ингредиент для предстоящего путешествия. Время было обеденное. Кот с вождением вспоминал ароматный запах пирога, представляя, как уплетает его, запивая свежим молоком. Будущая королева хоть и выглядела бодрой, но тоже испытывала лёгкий голод. А в путешествие надобно занять лепёшки да сыр — для перекуса в пути.

Задумано — сделано: путь пролегал на кухню, а через неё — в пекарню, в царство матушки Розы. Ирис не горела желанием встречаться с ней после вчерашнего, но выбора не было. Оставалось лишь уповать на добросердечность кухарки.

Вожделенные запахи яств приветствовали с порога голодных гостей. Свежая выпечка, ароматный кофе, сочный ростбиф, заморские фрукты — десятки блюд готовились сегодня на королевской кухне. Ирис и кот оказались в окружении кипящих котлов и булькающих сковородок. Младшие поварята и придворные слуги носились от очага к очагу, спеша приготовить обед для Короля и его свиты.

Матушка Роза — статная женщина внушительных форм — взидала на свою кухню, как боевой генерал, потрясая для порядка огромным половником, чтобы её верные «рыцари» — поварята — не слонялись без дела.

Гости кухни аккуратно протиснулись к сервировочным подносам и вот-вот были готовы умыкнуть из-под носа слуги несколько булочек с миндалём и корицей. Но были тут же замечены хозяйкой банкета.

— А ну вы, двое! Опять тут шорох наводите! — закричала матушка Роза, совсем не страшась королевской особы.

Ирис потупила взгляд, стесняясь признаться, что действительно была голодна. Мяури, нисколько не помогая ситуации, с обожанием смотрел на крынку свежего молока, призывно шевеля усами.

Матушка Роза, демонстративно покинув свой пост, подошла к незванным гостям, готовясь прочитать им нотацию о неподобающем поведении — как вчера, так и сегодня. Но тут её решимость сбила с толку призывная симфония урчания, исходящая из животов принцессы и кота.

Недовольно вперив руки в бока, кухарка покачала головой и кликнула мальчонку, чтобы тот вместе с другом накрыл для гостей небольшой перекус.

Ирис достались пара свежих лепёшек, гороховый суп и мясная котлета. Кот жадно лакал молоко.

Когда всё было съедено — до последней крошки, — принцесса вдруг осознала, что умяла даже те лепёшки, которые собиралась припрятать и взять с собой. Всё оказалось слишком вкусным и сытным!

Поблагодарив всё ещё стоявшую рядом матушку Розу, девушка встала из-за стола, чтобы аккуратно откланяться и продолжить поиски припасов для путешествия.

— Бездельники у меня не едят! — раздался внезапно громогласный голос хозяйки кухни, остановивший беглецов на полпути.

И именно так Ирис и кот были насильно ангажированы в младшие помощники по кухне.

До самого вечера принцесса мыла посуду, подметала мощёный плиткой пол, носила подносы с едой, помогая королевским слугам с их тяжёлой, но важной работой.

— Знаешь, Ирис, на это я не рассчитывал, — устало заметил усатый философ, измученный внезапными кухонными обязанностями.

— И еды не добыли, — расстроено согласилась она.

Собираясь уже покинуть кухню, друзья были вновь остановлены. Лист Златолицый — тот самый мальчишка-поварёнок, сверкая своими золотыми кудряшками, смешно топорщившимися из-под поварской шапки, подбежал к ним и сунул Ирис в руку маленький кожаный мешочек, перевязанный тонким жгутом.

— Принцесса, возьмите! Матушка Роза сказала вам передать, — пояснил Златолицый.

— Что это? — удивлённо спросила она.

В мешочке что-то звенело.

— Как что? Жалование младшего поварёнка! — гордо сказал мальчишка. — Целых десять золотых! Было весело — приходите ещё!

День пятыйПогожий летний денёк, казалось, ничто не могло испортить. Или... могло?

— Госпожа, так не пойдёт! Поставьте-ка ноги пошире, а плечо при замахе повыше поднимите! — напутствовал высокий юноша в рыцарском облачении, наблюдавший за неуклюжими попытками принцессы.

Рыцаря звали Смелый Бутон. Он был старшим среди королевской стражи, распределял караулы, следил за порядком в казармах и лично ходил с докладом к Королю. Высокий, статный, а главное — добрый и отважный, он пользовался уважением среди служивых.

Сначала Бутон заметил кота, ползком пробирающегося к королевским казармам. К невысоким домам справа вплотную примыкала оружейная, и путь шерстяного, судя по всему, лежал именно туда.

«Мало ли чем промышляет королевский фамильяр, — подумал страж. — Наше дело малое — службу нести». А пушистый, затеяв явно что-то недоброе, продолжал скрытно продвигаться к казармам.

И, возможно, проделки кота остались бы никем не замечены, если бы следом не появилась Ирис. Смелый Бутон сразу узнал будущую Королеву, хоть та и была облачена в нетипичный для принцессы наряд: мужские штаны и длинную хлопковую рубаху, подпоясанную крепким ремнём. Несомненно, и кот, и принцесса что-то замыслили.

Казарму охраняли несколько стражей младшего ранга. Ирис с пушистым спутником собирались проникнуть внутрь через ближайшее к тренировочной площадке окно. Шум и лязг скрещённых клинков играли им на руку: после полудня товарищи Бутон оттачивали боевые приёмы.

— Моя госпожа, добро пожаловать на тренировочную площадку королевского гарнизона! — раздался позади них громкий голос капитана стражи.

— А-а-а! — завопила принцесса, подпрыгнув вместе с котом.

— Рады, крайне рады! — весело проголосил Смелый. — Раз уж пожаловали, идёте — мы вас потренируем, как настоящих рыцарей Короля! — хитро улыбнувшись, он указал рукой на площадку.

— Да... мы как раз этим и пришли... потренироваться! Верно, Мяури? — запинаясь, произнесла Ирис. Кот нехотя согласился, недовольно подрагивая усами.

И битых три часа подряд принцесса вместе со стражей громко выкрикивала команды, бегала кроссы вокруг площадки, глотая дорожную пыль, и отрабатывала стойки с деревянным мечом, обливаясь потом.

Кот тоже был при деле: страж велел и ему найти полезное занятие. Мяури, выпустив когти, героически нападал на соломенное чучело во дворе за казармой.

К вечеру Ирис и её шерстяной соратник, уставшие до предела, рухнули на скамью у входа в казарму. Стражники тоже закончили занятия и расселись внутри, предвкушая заслуженный ужин. Из распахнутых дверей доносился гомон и запах жареного мяса.

Принцесса тоскливо взглянула в окно. — Голодно... — расстроено произнесла она.

— И опять провал! — раздражённо заметил кот. — Хотели ведь по-тихому меч умыкнуть...

В это время в окне показалась большая фигура стражника. Ирис прикусила губу, с трудом сдерживая обиду и злость. Стараниями этого громилы они остались не только уставшими и голодными, но ещё и без оружия для предстоящего путешествия.

— Ну что, принцесса, чего скисли? — добродушно произнёс воин. — Вот, берите — солдатский паёк, — он протянул корзину, накрытую белой парчой. — Ешьте да сил набирайтесь! Я вам припас две порции сразу. А то хилые вы у нас, не годитесь для службы! — расхохотался гигант и удалился.

В корзинке действительно оказалась солдатская еда: две бутылки парного молока для кота, пара лепёшек и кусок сыра.

— Нам этого хватит даже с собой взять, Ирис! — промурлыкал Мяури, лакомясь молоком. — А хороший он всё-таки, этот Смелый Бутон.

— Теперь только всё болит, — простила Ирис. — Погонял он нас не слабо.

— Подумаешь! — бодро возразил кот. — Станем сильнее и вернёмся к нему за реваншем!

Улыбнувшись, принцесса поднялась. Друзья, валясь с ног от усталости, поплелись в сторону дворцовых покоев, унося с собой и усталость, и новый тёплый урок о силе, дружбе и доброте.

День шестой — Раз меч добыть оказалось непросто, предлагаю взяться за карту, — предложил кот, вальяжно вышагивая перед Ирис по парапету внутреннего сада на втором этаже королевских покоев. Он был слегка взъерошен, но вполне готов к новым проделкам.

— Тогда идём в библиотеку! Я уверена, карта там точно найдётся! — согласилась принцесса.

Сегодня она тщательно расчесала свои длинные пушистые волосы, вновь облачилась в привычное голубое платье и даже согласилась примерить новые туфли. Босиком, конечно, удобнее, но миссис Глициния Верная — суровый хранитель книг и истории Цветочного Королевства — такого точно не одобрила бы.

Эта высокая, худощавая повелительница историй отличалась строгостью, точностью и любовью к порядку.

Библиотека располагалась в южном крыле дворца — в просторном стеклянном зале с множеством лестниц и этажей. Высокие деревянные стеллажи стояли в строгом порядке, а между ними, в застеклённых шкафах и витринах, хранились мечи, доспехи, древние артефакты, старинные рукописи и родовые древа знатных семей королевства.

За всеми этими богатствами зорко следил взгляд хранительницы. Глициния облюбовала центр первого этажа, соорудив там целую баррикаду-убежище из письменных столов и стоп ветхих фолиантов в кожаных переплётах. Она носила очки с круглыми линзами, длинное тёмное платье с широкими рукавами-фонариками и белые волосы, собранные в тугой пучок.

Ирис и Верная дружили неплохо — иначе откуда бы у принцессы взялось столько приключенческих книг! Но девушка прекрасно знала коварные повадки патронессы: за один интересный роман она обязательно вручит в нагрузку пять-шесть учебников по наукам и важным предметам. А потом заставит прочесть всё до последней страницы, ответить на каверзные

вопросы и написать развёрнутое сочинение минимум на два свитка — с чувством, толком и расстановкой.

Ирис и кот застали Глицинию за изучением очередного артефакта, принесённого кем-то из слуг на хранение в библиотечный архив. Это был изогнутый кинжал из серебристой стали в плотных кожаных ножнах. Архивариус вертела оружие в руках, аккуратно касаясь лезвия, пытаясь обнаружить скрытые свойства или послания. Глаза её хитро блеснули, но увядшая улыбка выдавала разочарование: предмет явно не стоил столь пристального внимания.

— Миссис Глициния! — поздоровалась принцесса, а кот запрыгнул на стойку, приветственно заурчав и напрашиваясь на поглаживание.

— Пришли просить новую книгу, принцесса? — ошетинулась библиотекарь, даже не удостоив гостей приветствия. — Вы ведь ещё не сдали сочинения по истории Цветочного Королевства.

— Нет-нет, я по другому вопросу, — поспешила оправдаться Ирис.

Глициния подняла из-под очков озадаченный взгляд и, внимательно осмотрев неожиданных гостей, поинтересовалась:

— И что же вас привело?

— Хотела узнать про карты! — принцесса пыталась говорить уверенно. — Хочу изучить географию наших земель и заморских государств... так сказать, с научной целью.

Верная прищурилась: — Карты под замком, на втором этаже, в закрытой витрине. Идите и изучайте, сколько душе угодно.

— А можно я возьму одну с собой? Ну... навynes, в комнату?

— Не мелите чепухи, принцесса, — отрезала Глициния. — Ключ от витрины хранит сам Король.

— Ах, сам Король... — протянула Ирис, с досадой вздохнув.

Кот в расстройстве спрыгнул со стойки, подняв облачко пыли и едва не опрокинув чернильницу. Расстроенная принцесса вдруг заметила среди кипы бумаг на столе кожаные ножны от кинжала, к которому библиотекарь так и не вернулась.

— Миссис Глициния, можно последний вопрос? — осторожно начала она. — А чем вы занимались, когда мы пришли?

— Да вот, Монета утром принёс этот кинжал, — кивнула та на стол. — “Посмотри, — говорит, — альманская сталь, раритет, не иначе!”

— И что, подделка? — догадалась Ирис, вспомнив разочарованный взгляд хранительницы.

— Ага. Надо будет вернуть. Он, прохвост, ещё тот! — раздражённо буркнула Глициния.

— Так давайте мы и вернём! — радостно предложила принцесса. — Мы же вернём, правда, Мяури?

Кот энергично закивал, поддерживая подругу.

— Конечно, конечно!

Ни кинжала, ни Ирис, ни её пушистого спутника Монета Суровый в тот день больше не видел.

День седьмой Главный камергер Стебель Сварливый вот уже битый час раз за разом обходил все комнаты и коридоры дворца. Король пожелал видеть свою непутёвую дочь и её пушистого стража. Но вот незадача — обе пропажи будто испарились, провалились сквозь землю! Камергер обошёл весь дворец, замок и сад уже дважды, но ни пушистого прохиндея, ни юной принцессы так и не обнаружил. Следов — никаких.

Вздохнув, Стебель утёр с лица пот и отправился к Королю в тронный зал.

Ирис I заканчивал утреннее совещание с министрами, восседая на цветочном троне и сосредоточенно раздавая приказания. Когда советники Короля — разодетые в праздничные

камзолы и мантии, скрипя больными суставами, — покинули зал, владыка и камергер остались одни.

— Стебель, ты нашёл мою дочь? — сверкнув голубыми, как погожее небо, глазами, спросил цветочный владыка.

— Увы, мой Король, не нашёл! Уж весь замок обошёл — и не один раз. Устал, запыхался...

— Печально... Делегация в “Розеллу” скоро должна отправиться.

— Да, я помню ваше желание послать принцессу вместе с посольской миссией. Но вот незадача — нигде не могу её отыскать! — расстроено отозвался Сварливый.

Посол “Розеллы” — далёкой пустынной страны, расположенной в самом сердце Зелёного Континента, — прибыл в Цветочное Королевство пару дней назад, чтобы передать Королю Ирису I приглашение посетить загадочный край.

Солнечная “Розелла” — страна золотого песка, шумного моря, алых цветов и тёплых уютных ночей. Король, к сожалению, не мог отлучиться от государственных дел, поэтому решил отправить посольскую миссию во главе с юной принцессой и её фамильяром к шаху Тридаксу Душистому.

— Придётся тогда тебе собираться, Стебель, — безапелляционно произнёс Король.

В тот момент в зале внезапно поднялся шум. Позади королевского трона слышались попеременно то шорох, то резкий кошачий визг, то лёгкий девичий крик.

— Не толкайся! Ай! Не шевелись! — Ирис, что ты делаешь, мяу! Нас заметят, и мы упадём!

Стража, стоявшая у входа в тронный зал, насторожилась, поднимая копья и ожидая нападения. Но Король, уже понявший, в чём дело, лишь затаил отеческую улыбку под внешней суровостью.

Принцесса и кот кубарем вывалились из-за огромного гобелена, висевшего на стене позади цветочного трона.

— Ну вот и нашлась! — Король расхохотался, а Стебель Сварливый смерил кота и принцессу пронзительным взглядом, полным упрёка.

— Стебель, можешь идти. Я пришлю тебе этих двоих чуть позже, — распорядился Король.

Ирис и кот, виноватые, но воодушевлённые, предстали перед правителем и отцом.

— Прошу меня простить, отец... Это всё я. Не наказывай Мяури, — потупив взгляд, сказала принцесса.

— Ох, дочка, слышал я... Ты, значит, собираешься в путешествие? — хитро уточнил Король, не обращая внимания на оправдания.

— Я уже всё собрала! Честно-честно!

— Всё-всё?

— И оружие добыла, и монеты заработала, и провизию в путь собрала! — похвасталась Ирис.

— Кроме карты... — тихо заметил её пушистый товарищ.

Король запустил руку в складку своего одеяния и аккуратно выудил свиток, перевязанный плотной верёвкой с синей печатью.

— Это карта “Розеллы”. Поручаю тебе, Ирис, представлять Короля и всё наше государство в предстоящем посольском визите, — сказал владыка цветов и протянул дочери свиток. — Только будь серьёзнее, а ты, пушистый, присмотри за принцессой, — добавил он уже строже.

Глаза Ирис Голубоокой радостно сверкнули. Мяури вился вокруг её ног, не скрывая восторга. Их путешествие наконец должно было начаться!

Одиссея

Наши дни — штат Канзас, научный городок Уайт.

09:00–17:00

Кайла Мэлоун соскальзывает с кровати и стремглав бежит в ванную, а из неё — на кухню.
Её утро началось! Снова! Новый день и новые

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.